

ИРИНА ГЛЕБОВА

МНЕ СНИЛСЯ СОН...

МНЕ СНИЛСЯ СОН...

Ирина Николаевна Глебова

Мне снился сон...

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742905
ISBN 978-966-1632-21-8

Аннотация

«Мне снился сон» – новая книга Ирины Глебовой, написанная в присущем ей стиле: загадочные, непредсказуемые повороты сюжета, глубокий психологизм характеров в сочетании с лёгкостью чтения. Роман необычный: его можно назвать «женским», «любовным», «приключенческим», можно назвать «реалистическим», можно увидеть в нём элементы необъяснимого... Это современная вещь – действие происходит уже в 2000-е годы, главная героиня – молодая девушка, попадающая в необычную ситуацию. Действие романа происходит и в Украине, и в США, и в Англии, и на неизвестном острове в океане... Дается ретроспектива в прошлое семей главных героев, которое связано с происходящими нынче событиями. О любви в романе говорится по-современному откровенно. Это очень интересная и увлекательная книга, причём, как для молодого читателя, так и для читателя опытного.

Содержание

Часть первая. Острова	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	50
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	83
Глава 9	96
Глава 10	111
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ирина Глебова

Мне снился сон...

Посвящаю моей дочери Ирине, которая во многом подсказала мне образ главной героини.

Часть первая. Острова

Глава 1

Во Франкфурте самолёт задержали на три часа, но Викторию это вовсе не огорчило. Она не торопилась. Брат, как истинный американец, сначала перезвонит в аэропорт, а поедет встречать лишь когда точно будет известно время прилёта. Здесь же, в этом огромном терминале, так интересно, комфортно! Особенно когда ты не просто пассажир – объект внимания и заботы большой авиационной компании. Она получила талоны на бесплатный ужин в кафе, карточки на пользование разными бытовыми услугами, пропуск в комнату отдыха. Ей рассказали, где будет проходить регистрация на рейс, где находится гейт номер семь – выход к самолёту, попросили внимательно слушать объявления. И Виктория почувствовала себя желанным гостем в этом закрытом

от всего мира городке, который называется международной транзитной зоной.

Наверное целый час она просто ходила от магазина к магазину – их тут было множество, – и даже соблазнилась, купила футболку с абстрактно-элегантным рисунком: представила, как хорошо будет смотреться на калифорнийском пляже. Понравилась ещё и сумочка, но цена оказалась запредельной, не для неё. Футболка тоже не дёшево стоила, но, помимо остального, ей хотелось иметь что-то на память о самой себе в этом чудесной терминале.

Потом поднялась эскалатором на третий ярус, в кафе. Людей здесь было не много, она выбрала столик у широкого окна. Прямо перед ней лежало лётное поле, хорошо освещённое, поскольку уже начинало темнеть. Силуэты огромных лайнеров завораживали взгляд. Вот сверкнули яркие огни, ослепили на миг и ушли в сторону. Это на поле сел и теперь катил к дальней стоянке ещё один самолёт... Виктория непроизвольно приложила руку к груди: сердце забилось счастливо и томительно. Чувство дальних странствий – вот как это называется, она знала. Нечто подобное ей приходилось испытывать: когда мчишься в ночном поезде, не спишь, а смотришь, почти прижавшись лбом, в окно. Мелькнёт какой-то полустанок, освещённый фонарём, прилепившийся к нему домик, дальние огни то ли посёлка, то ли городка... И вдруг ощутишь и скорость, и бег времени, и огромное пространство с вот этим мгновенно выхваченным кусочком

жизни! Виктория называла это «чувство дальней дороги». Но сейчас её возбуждение, в котором смешивались радость, сладкая тревога, предчувствие чего-то необыкновенного, – это возбуждение было гораздо сильнее. Не «дальняя дорога», а именно «дальние странствия». А ведь когда она летела из Киева сюда, ничего подобного не замечала. Может быть потому, что был день, а теперь уже почти стемнело? Ночь обостряет чувства...

Девушка пила кофе, смотрела, как течёт размеренная, отлаженная жизнь терминала. Вот внизу прошла группка подростков-азиатов, все в одинаковых каскетках, с маленькими рюкзаками – спокойные, очень самостоятельные. Виктория сразу поняла, что эти ребята японцы. Несколько лет она занималась синхронным плаванием, со своей командой побывала на двух международных соревнованиях – в России и Казахстане. Там были молодые пловцы из азиатских стран. Виктория очень быстро научилась отличать китайцев от корейцев, японцев или монголов, тем более «почти своих» казахов, узбеков. И когда после ей приходилось слышать «да они все на одно лицо!», только улыбалась: ничего подобного.

... Да, плавать она любила, сколько себя помнит. Наверное года в четыре, на море, папа научил её легко держаться на воде, а через год родители записали дочку в бассейн. Чему она только не училась: и плаванию на скорость разными стилями, и прыжкам с трамплина. А потом тренер обратил внимание, что девочка невероятно легко ныряет, надолго за-

держивая дыхание. Тогда её и взяли к синхронисткам. Впрочем, через некоторое время группа распалась, да и Виктории уже было некогда. Она поступила в институт, учиться хотела по-настоящему, серьёзно, будущая профессия ей очень нравилась. Однако привычка к спорту, тренировкам, движению давала о себе знать, и девушка то занималась рок-н-роллом, то гоняла зимой на коньках, летом – на роликах, а то одно лето с альпинистами по Крымским горам лазила. И, конечно же, бассейн, но теперь просто так, для своего удовольствия. А сейчас вот летит она в Калифорнию, на берег Тихого океана, поплещется в океанском прибое!..

Второй ярус, прямо под кафе, казался уголком затишья, потому, наверное, взгляд девушки задержался на двух фигурах, медленно проходивших мимо. Двое парней: темноволосый крепыш в клетчатой ковбойке тащил увесистый рюкзак на колёсиках, а рядом, налегке, вольно и уверенно шагал высокий блондин. «Немец или скандинав», – определила Виктория, которая уже смотрела на него заворожено. Было отчего. Светло-голубые джинсовые брюки и рубаша обтягивали литые плечи и узкие бёдра, ступал незнакомец не просто легко. «Грация дикой кошки, – вспомнился Виктории расхожий книжный штамп. – Вот, значит, что это такое!..»

Словно почувствовав взгляд, блондин поднял голову. Голубые глаза, густые пшеничные волосы – он смотрел прямо на Викторию. И вдруг улыбнулся ей, как старой знакомой. До чего же это была обаятельная улыбка: лицо с чётко про-

рисованными чертами, красивыми твёрдыми губами и слегка запавшими скулами разом стало задорно-мальчишеским! У Виктории загорелись глаза, вспыхнули щёки и горячо-горячо запекло в груди. В одну секунду она словно увидела себя со стороны, почувствовала, как хороша: гибкая, грациозно сидящая с чашечкой кофе в приподнятой руке девушка, тёмные волосы, длинные, красивыми локонами обрамляющие матово-смуглое лицо, большие карие глаза... Двое парней уже прошли, ступили на эскалатор, уходящий вниз, их не стало видно. А Виктория всё ещё взволнованно думала о том, что вдруг эти двое – нет, этот скандинав, – летит тем же самолётом, в Штаты... Потом она легонько засмеялась. Опять, что ли, влюбилась с первого взгляда? Давно такого не было! Впрочем, если она способна на это, значит правильно сделала, что отказала Игорю – поняла, что не он её судьба, что не готова прожить всю жизнь с ним, пусть и хорошим, и любящим...

Когда объявили посадку в самолёт, девушка даже слегка огорчилась. Время, показалось ей, пролетело так быстро, не всё успела посмотреть. Но как только вошла в гейт – крытый тоннель, ведущий на лётное поле, – вновь испытала будоражащее волнение. Ещё несколько минут, и она полетит над Европой, над океаном, в Америку, в Калифорнию!

Неожиданно прямо из гейта она вошла во внутрь самолёта. Но удивиться не успела: приветливая стюардесса повела её в салон бизнес-класса, указала место, сказала, что

позже подойдёт, ответит на все вопросы. Место было у самого иллюминатора, повезло. Она села, оглянулась – всё ей здесь нравилось. Виктория улыбнулась, вспомнив о брате. Ведь это он покупал ей билет – оттуда, из Калифорнии связавшись по Интернету с солидной туристической фирмой в их городе Харькове. Всё оплатил, постарался для любимой единственной сестрёнки!

Салон заполнялся людьми. В соседнее кресло села пожилая женщина с хорошо уложенной седой причёской. Она поздоровалась по-немецки, Виктория ответила ей на английском языке, дав понять, что немецкого не знает. А вот английским она владела свободно. Брат, когда два года назад приезжал к ним в гости, даже удивился: «У тебя типичный говор для центральных штатов!» Ещё бы, она ходила на курсы, которые вели преподаватели-американцы. Если твой родной брат живёт в Америке, не исключено, что и тебя судьба приведёт туда же. Возможно, этот её полёт как раз – разведка...

В это время в салон вышли две стюардессы. Одна остановилась у их ряда, стала рассказывать, как заказать радио и теле программу, вызвать врача, получить информацию. Девушка ловко показывала на себе, как пользоваться кислородной маской, надувным спасательным жилетом, порошком для отпугивания акул. Об этих, последних средствах, она говорила весело, чуть иронично, давая понять, что знать, конечно, не мешает, но вот пользоваться точно не придётся.

Самолёт стал набирать высоту. Мягким толчком Викторю прижало к спинке сидения, и это было даже приятно. Они уже летели над городом – красивой россыпью разноцветных огней, мерцающих, подвижных. Какое-то время бежала внизу река, тоже сверкающая, и в этот момент Виктория вдруг осознала: а ведь Атлантического океана она не увидит! Будет темно. И хотя они летят на запад, навстречу солнцу, когда окажутся над Атлантикой всё равно уже наступит поздний вечер. Если, конечно, их маршрут лежит над оживлённой морской трассой, будут видны огни пароходов. Это тоже интересно, но Виктория представляла, как откроются ей внизу тяжёлые медленные перекаты волн, тёмные глубинные впадины, острова Бермудского треугольника, мели Саргассового моря... Увы, фактор времени она не учла. Тихий океан, при подлёте к Лос-Анджелесу, она увидит и сверху, и потом воочию, даже ощутит всем телом. Но, может быть, брат устроит ей экскурсионную поездку по Штатам, и они таки доберутся до берега Атлантики?..

Так же мягко, почти незаметно перестала действовать сила инерции, и Виктория отстегнула ремни. Стюардесса уже предлагала меню ужина: ждать его не долго, полчаса, а пока любые напитки... Виктория взяла маленькую бутылочку кока-колы, потом, мгновение подумав, ещё и шампанского. Надо же отметить начало такого чудесного путешествия! Всё это время она посматривала на соседей и на проходивших мимо в другие салоны людей. А вдруг тот красивый сканди-

нав всё же летит этим самолётом... Но нет, его не было. Что ж, значит не судьба! Виктория улыбнулась про себя и вскоре вообще перестала думать о незнакомце. Ей было о чём и вспомнить, и помечтать.

Глава 2

Брат Сергей был старше Вики на десять лет. Когда она пошла в первый класс, он отлично сдал экзамены в медицинский институт. Мама и папа были счастливы, но младшая сестрёнка, наверное, радовалась ещё больше.

– Теперь ты будешь меня лечить! – воскликнула она. – Только сладкими таблетками!

Дело в том, что их родители оба были врачами. И хотя Виктория росла девочкой довольно здоровой и спортивной, усиленным медицинским вниманием обеспечивалась. А то, что Сережа не станет её мучить ни уколами, ни горькими порошками, она знала точно. Ведь она – его любимая сестрёнка. Ни у кого нет такого чудесного брата! Брата, который не стесняется возиться с малышкой, повсюду берёт её с собой и приучил к этому всех своих друзей. В три-четыре года она ходила с ним в кружки рисования и керамики во Дворец пионеров – тогда ещё это заведение называлось так. Сидела рядом со взрослыми мальчиками и девочками, старательно малевала красками и цветными карандашами, лепила из глины корявые фигурки. Серёжа помогал, придавал им форму каких-то фантастических зверушек, клал со всеми другими поделками на обжиг в печь, а дома, показывая родителям, восхищался:

– Это Вика сделала, сама! Смотрите, какой весёлый! Она

ему имя придумала. Скажи, какое?

– Страслодюк! – говорила она гордо.

Серёжа смеялся:

– Вот фантазёрка! Это химера такая: страус, слон и индюк вместе!

И в голосе его слышалось восхищение.

Они жили в центре города, недалеко от зоопарка, брат с друзьями часто ходил туда гулять, и Вика конечно же с ними. В одном дальнем уголке мальчишки перелезали через забор, и малышка, как обезьянка, ловко карабкалась за ними. Попадали они в университетский ботанический сад, который примыкал к зоопарку, их перегораживал чисто условный, никем не охраняемый заборчик. Детвора бродила в своё удовольствие от вольера к вольеру, Серёжа подсаживал сестру, чтоб она лучше видела зверей. Показывал:

– Смотри, вон ягуар, на крыше своей будки лежит. Лапы раскинул, словно спит. Но он притворяется: видишь – спина выгнута, кончик хвоста приподнят и один глаз приоткрыт...

Сергей всегда отлично подмечал позы и движения животных, и звери, которых он любил рисовать больше всего, получались у него как живые. Теперь, в Америке, это ему очень пригодилось...

Был брат мальчишкой спокойным, рассудительным, но Виктория помнила, как он несколько раз впадал в ярость – тогда, когда её обижали. Однажды своего лучшего друга сбил с ног и тыкал лицом в землю, пока другие мальчишки

его не оттащили. А всё потому, что тот со смехом сорвал с маленькой Вики шапочку. Дело было тёплым летним днём, и паренька насмешила эта вязаная шапочка на девочке. Он ведь не знал, что у Вики сильно болели ушки, а Серёжа знал и страшно разозлился...

Когда Сергей учился на третьем курсе, он впервые поехал в Соединенные Штаты. Как раз в те годы, в начале девяностых, начались «обмены» студентами: к нам в ВУЗы стали приезжать молодёжные группы из других стран, наших ребят приглашали в университеты Европы и Америки. Конечно, шёл жёсткий отбор самых лучших, чем-то проявивших себя студентов. Сергей тут был вне конкуренции: к третьему курсу он уже избрал специализацию – радиология, опубликовал две интересные статьи в институтском журнале, которые перепечатали два серьёзных медицинских издания. Учился он одновременно легко и серьёзно, родители очень им гордились. Теперь, став взрослой, Виктория понимала: они надеялись, что сын воплотит их несбывшиеся мечты. Ведь оба они когда-то готовились защитить кандидатские, а потом и докторские звания, но жизнь повернула по-другому. Мама работала терапевтом в районной поликлинике, отец – выездным врачом городской «Скорой помощи». Но Серёжа, Серёжа, конечно, станет заниматься наукой, достигнет высот...

Полгода Сергей провёл в Калифорнийском университете, в кампусе – студенческом городке – Беркли. Его приглашали оставаться и дальше, но он вернулся – хотел закончить учёбу

в своём родном мединституте. Но в Америке о нём не забыли. Когда брат заканчивал институт, он получил приглашение из Медицинской школы при Университете Джона Хопкинса в Вашингтоне пройти у них стажировку по вопросам радиологии и, возможно, остаться работать. Виктория помнит – всё-таки уже была подростком, – какая тоска стояла в глазах мамы, когда она сказала:

– Поезжай, сынок. Видишь, что у нас здесь творится! Будет ли лучше?..

В то время они все были миллионерами: карбованцы, недавно введённая национальная валюта, совершенно стремительно с сотен поднялись до тысяч, а потом и до миллионов. Хлеб, яйца, колбаса стоили миллионы.

– Сбылась мечта Остапа Бендера! – шутил отец.

Закрывались заводы, ликвидировались научные институты, зато как грибы-поганки росли рынки и базары. Уйма безработных специалистов тягали по этим рынкам тележки на колёсиках, прозванные «кравчучками» – в честь первого президента Украины. Тем же, кто ещё как-то где-то работал на производстве, зарплату выдавали даже не жалкими миллионами, а товарами. И они их тоже тащили в «кравчучках» на базары. А учителей и врачей отоваривать было нечем, им просто месяцами внаглую не платили.

Но Сергей всё равно поначалу отказался уезжать.

– Не всегда так будет, – сказал он. – А радиологи именно у нас особенно нужны.

– Я рад, что ты патриот, – ответил ему тогда отец. – Но посмотри, чернобыльцев пытаются последних льгот лишить. А значит и лечить-то их не слишком рвется наше правительство. Думаешь, научные изыскания станут субсидировать? Смешно! Когда-нибудь, когда кончится период накопления капитала, может быть. Но годы пройдут, а с ними, возможно, и твоё время...

И всё же брат решился принять приглашение только через две недели, после одного разговора. Его Виктория тоже хорошо помнила, всё происходило при ней. В тот вечер к ним зашла бывшая соседка, Тамара Петровна. Отец сухо поздоровался, взял газету, сигареты и вышел на балкон-лоджию.

– Не жалуется твой мужик, – покривила губы Тамара Петровна.

– Ты очень мнительная, Тамара, – мама пожала плечами. – Просто он, когда тепло, всё время там сидит.

Отец и в самом деле любил балкон: сам его стеклил, ладил полочки, на которых стояли горшки с цветами, купил специально два раскладных кресла и столик, красивый коврик на пол... Но соседка упрямо повторила:

– Да чего там, не любит! Я для него как была спекулянтка, так и осталась. Вы, интеллигенты, все такие. Ты вот, если бы мы с детства в одном дворе не бегали, тоже со мной только через приоткрытую дверь разговаривала бы.

Вика, сидевшая тут же, на диване, хихикнула: отец совсем недавно сказал почти такие же слова. «У меня нет носталь-

гических чувств к этой спекулянтке, я с ней в одном дворе в детстве не бегал».

Когда-то мама и эта самая Тамара жили в одном подъезде. Родители Тамары работали проводниками в поездных бригадах, ходили в рейсы по очереди. Когда Тамара училась в десятом классе, отец её куда-то исчез. «Слинял с какой-то бабой, – откровенно говорила девчонка своим подругам. – А чего? С мамашей они давно уж все ночи порознь, вот и нашёл себе. А у неё тоже есть хахаль, и не один».

Школу Тамара не окончила, мать стала брать её в поездки. Причём перевелась на поезда дальнего следования – в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Мать и дочь постоянно тягали из поездов ящики продуктов. Когда что: красную икру, какие-то невиданные здесь консервы, рыбу, или урюк, изюм, орехи... И, конечно же, тюки товаров: отрезы материи, блестящие от люрекса платки, кофточки, халаты, постельное бельё... Куда-то всё сбывали, одни из первых в доме купили цветной телевизор, красивую мебель, магнитофон. Томка стала одеваться, как королева, бывшие одноклассницы ахали, а она смеялась над ними:

– Вы, дуры, книжки читаете, переживаете, что в институты не поступите! Ну и что? Будете потом от зарплаты до зарплаты копейки считать. А я, неуч, всегда буду жить лучше вас!

Да, она уже тогда умела «жить». И, кстати, оказалась права: деньги у неё и в прежние, и в новые времена не переводились.

лись. Ещё девушкой, всегда склонная к полноте, растолстела немеряно, но это её совершенно не волновало. А вот мать её в какой-то момент стала худеть, худеть и очень быстро умерла. Теперь Тамарка сама ездила в дальние рейсы, и возила добра оттуда ещё больше. Соседям тоже, конечно, кое-что перепадало. К Нине, маме Виктории, она питала особые чувства, может быть её единственную продолжая считать подругой, потому брала с неё не дорого, так, чуток накидывая на цену. И, надо сказать, в эпоху дефицита многих вещей, это часто выручало.

Потом Тамара продала свою квартиру и купила дом в одном из городских посёлков. Шло время бурного развития кооперативов, малых предприятий и частных фирм, вот и она открыла что-то вроде артели по пошиву одежды. Построила в своём дворе длинный сарай, поставила там несколько швейных машинок. Сама, конечно, за машинкой не сидела – работали у неё женщины-швеи и два парня, грузчики. Вика видела всё это сама: ей было лет десять, когда Тамара Петровна пригласила однажды всю их семью к себе на день рождения. Отец отказался, а Вика с мамой пошли. И пока гости собирались, Тамара повела их показывать свой «бизнес». И этот швейный цех, и – с особенной гордостью, – склады, забитые тюками материи и готовой продукцией: юбками, брюками, плащами, куртками... Года три спустя у Тамары Петровны уже работали несколько торговых точек на самом большом городском вещевом рынке. Она считала се-

бя крупным бизнесменом, «шикарно» одевалась, носила какие-то немыслимые парики и разъезжала на машине, самой «крутой» по тем временам «Ладе». Казалось бы, что ей давняя подруга, не умеющая жить! Но нет, она продолжала заходить к Пичужиным, не просто так, конечно. Вскоре после того памятного дня рождения она родила сына, мальчику было уже около трёх лет, и Тамара заезжала к бывшим соседям-врачам за консультацией. А иногда просто забирала Нину, везла смотреть своего Русланчика. Возвращаясь, мама печально качала головой:

– Несчастный ребёнок! Хотя бы Тамара подумала, от кого рожать, а то ведь наверняка какой-то алкоголик.

– Что, совсем debil? – интересовался отец.

– Я бы так категорично не стала говорить... Но явно отстающий в развитии. Вряд ли он сможет хорошо учиться...

– Не огорчайся ты, Ниночка, за свою подругу детства, – смеялся отец. – Её ведь саму это нисколько не волнует. Вот увидишь, мальчишка будет у неё расти избалованным принцем, а потом она пристроит его к своему бизнесу. И при всей его умственной отсталости, наверняка он будет соображать, как деньги грести. Время нынче, знаешь ли, вот таких debilов.

Говорил отец весело, но ирония его явно горчила. И, как подтверждение его слов, вскоре и произошёл тот разговор – когда очередной раз зашла к ним Тамара. Отец удалился на балкон, но Сергей вышел из своей комнаты, поздоро-

вался, сел рядом с сестрой на диван. Он всегда охотно слушал рассуждения «бизнесменши», задавал вопросы, вставлял реплики и комментарии. Вика иногда с трудом сдерживала смех – брат явно насмеялся над женщиной. Когда Тамара Петровна уходила, мама тоже Серёжу упрекала, но он отмахивался со смехом:

– Она ведь этого не понимает! А значит и не обижается.

И верно: Тамара Петровна не только не обижалась, с удовольствием поддакивала Сергею. Для неё он был авторитетом: ещё бы – учился в Америке, снова его туда зовут! Она не сомневалась, что парень обязательно уедет. В этот раз она тоже заговорила на любимую тему.

– Молодец, Серёга! Вот, молодёжь понимает, как надо жить! Может, и мне туда махнуть: я бы там раскрутилась, миллионершей стала бы! Пришлёшь мне оттуда гостевой вызов, а?

– Да вы там прогорите, тётъ Тамара, – хохотнул Сергей.

– Это ещё чего?

– А там налоги платить надо!

– Во напугал! – «Бизнесменша» отмахнулась от него, как от комара. – Здесь тоже платят... дураки!

– А там не платят дураки. Потому что себе дороже: и в тюрьму угодить можно, и конфискуют всё нажитое. В Америке – почувствуйте разницу! – настоящий капитализм, а не наш, дикий, с цепи сорвавшийся!

– Ну и на хрен мне тогда твоя Америка! – не потеряла

бодрости духа Тамара Петровна. – Мне и здесь хорошо. Я вот скоро машину поменяю на иностранную, дом на море куплю, чтоб Русланчику здоровье поправлять.

Разговор свернул на детскую тему.

– Всё играешь? – спросила гостя, кивнув на пианино.

Вика промолчала, а мама с гордостью подхватила:

– Конечно! Через год заканчивает музыкальную школу, и все учителя советуют в музучилище и дальше, в консерваторию. Виктория у нас ведь уже лауреат детского международного конкурса, и музыку сама сочиняет!

– Ну и что после той консерватории девка делать будет? – презрительно фыркнула бывшая соседка. – Вон их сколько таких консерваторцев, со скрипочками и дудочками в переходе метро стоят или по электричкам ходят, христарадничают. А пианино ведь туда не потащишь! Ничему-то тебя, Нина Антоновна, жизнь не научила! Ну вы-то сами с Анатолием хоть врачи, какую копейку всегда сшибёте. Я вот за консультацию тебе вещами плачу, и другие могут, да за укольчики или там массаж можно получить. А что пианистка делать будет, кому она нужна?

– Это время, Тамара, пройдёт, – неуверенно возразила мама. – Пока Виктория выучится, что-то может измениться. Люди опомнятся, захотят красоты, искусства...

– Ой ли? Денег они захотят, всё больше и больше! И пойдёт твоя дочь со своим музыкальным образованием по миру. Сколько раз я тебе, подруга, талдычила на своём примере:

не образовываться надо, а крутиться! Так что пусть заканчивает Витка свою музыкалку и среднюю школу, и – ко мне. Пристрою её на хорошее место, не обижу. У меня вон девочки семнадцатилетние, реализаторы на рынке, такие бабки заколачивают, в такие шмотки одеваются – куда там! И палец им в рот не клади!

Она громко самодовольно захохотала. Мама как-то съёжилась, не зная, что ответить, но тут вдруг Серёжа ударил по столу кулаком – громко и резко. Даже Тамара Петровна вздрогнула. Всегда весёлый, доброжелательный, он зло кривил губы и выговаривал резко:

– И курят, и пьют, и с неграми трахаются, которые там, на рынке, настоящие хозяева!

– Сергей!

Мама вскрикнула, но голос у неё осёкся, и она только глазами указала на Вику: что же, мол, ты такое говоришь при сестричке! Но он упрямо мотнул головой:

– Пусть знает и учится думать!

Но взгляд, брошенный им на сестру, уже смягчился, с силой стиснутые губы расслабились, он перевёл дыхание, сказал уже спокойно, как-то устало:

– Ладно, спорить не о чем... Нам друг друга не понять.

Взял сестру за руку и увёл к отцу на балкон. Когда же мама, проводив подругу, тоже вышла к ним, Сергей с отцом играли в шашки. Опережая упрёки, сын сказал:

– Не сердись, мама. Ну да, в кои веки не сдержался. Зна-

ешь, представил Вику там, на базаре! Я ведь не осуждаю тех девчонок, наоборот, жалею. Они же там как рабы – вкалывают в утра до ночи, перекусывают, чем попало, болеют всякой гадостью, и не только... Да ты и сама знаешь: лёгкие слабые вплоть до туберкулёза, и язвы, и варикозы... А куда деваться, другой работы нет! А уж тем более без образования.

– Образование теперь тоже большая проблема, – вставил отец. – Это ты, сынок, успел проскочить, да ещё стипендию повышенную получал. Нынче и пишут, и говорят, что образование всё платным будет.

– Вот я и решил, – сказал вдруг Сергей. – Приму приглашение, поеду в Вашингтон. Буду вам деньги высылать на жизнь и на учёбу Вике.

...Несколько лет он регулярно высылал им суммы, дававшие возможность чувствовать себя спокойно, защищено. Виктория поступила учиться, однако не в консерваторию. Ошеломив родителей, она выбрала совсем другой институт. Правда и в Америке, с Сергеем, происходили тоже удивительные перемены.

Глава 3

Великолепная машина «Боинг»! Почти не слышно работы турбин – так, еле уловимый, умиротворяющий, какой-то медитативный гул. И ощущения полёта тоже почти нет: иногда качнёт легонько, приятно, и вновь можно забыть, что мчишь сквозь пространство и время на огромной высоте... Виктория, когда училась во втором классе, летала с родителями и братом в город Ростов-на-Дону, к родственникам. Маленькая была, но хорошо помнит: самолёт казался огромным! Потом узнала, что это был совсем не большой отечественный «Як-40», рассчитанный на двадцать пассажиров. Но тогда дух захватывало, так хотелось скорее подняться в небо! Летели часа полтора, и всю дорогу трясло, тарахтело, бросало в воздушные ямы. Ей-то, малышке, всё было нипочём, даже очень нравилось, когда самолёт ухал вниз, а потом резко шёл вверх, щекотало в животе, и она смеялась. А взрослые сидели в напряжении, мама бледнела и вскрикивала, а когда приземлились, сказала, что обратно поедут поездом...

Вкусный ужин был съеден, выпит и крепкий чёрный кофе. Хотя стюардесса настоятельно рекомендовала чай, но Виктория знала, что вечерний кофе не отбивает ей сон. Впрочем, спать не хотелось, всё было так интересно. Над входом в салон располагался экран, на нём – карта их полёта, где постоянно обновлялась информация о местонахождении само-

лёта. За иллюминатором стояла темнота, и девушка уже поняла, что они летят слишком высоко, чтобы видеть отблески небольших населённых пунктов. Но когда на экранной карте появлялись большие города, она смотрела вниз и видела огни: переливающиеся цепочки, россыпи, скопления! А в какой-то момент в иллюминаторе вдруг посветлело, проступили облака, окрашенные розовым. И вдруг всё залил багрянец с золотым отливом в серебряном скоплении облаков! Виктория вскрикнула, оглянулась, чтобы поделиться с кем-то восторгом... Но соседка-немка уже спала, и те, кто был виден через проход, тоже спали. Но тут рядом оказалась услужливая стюардесса, сказала: «Это мы догнали закат солнца. Очень, очень красиво». Девушка кивнула. Она уже сама поняла, что происходит, но найти слов для ответа не сумела, только смотрела не отрываясь...

Скоро краски стали тускнеть, переходить в тёмно-бордовые, фиолетовые, чернильные... Опять стало темно. Сердце ещё колотилось возбуждённо, ещё сознание наполняли какие-то образы, но постепенно Виктория успокаивалась. И в один момент вдруг осознала, что глаза её закрываются, дремотная истома запрокидывает голову на подшейную подушечку сидения. Тогда она достала из специального пакета – стюардесса ещё раньше разнесла такие всем пассажирам, – лёгкое, но очень тёплое одеяло, и вязанные толстые носки-тапочки. В салоне температура ощутимо понизилась, и когда Виктория сняла кроссовки, надела носки, закуталась

в одеяло и удобно откинувшись на сидении, вдруг почувствовала себя маленьким птенцом в уютном тёплом гнёздышке! Гнёздышко надёжно устроено высоко-высоко на дереве, в крепкой развилке. Ветерок качает дерево, но оно мощное, и ничто не угрожает гнезду и засыпающему в нём птенцу. А он и в самом деле пригрелся, засыпает, засыпает...

Ей снилось морское побережье... или океанское. Не пляж, а просто пустынный берег, волны накатывают на белый слепящий песок. Дальше, отступая от берега, начинаются какие-то тропические заросли, солнце стоит высоко, обжигает. Но бежать по белому песку приятно, он тёплый, а не жгуче-горячий. И они бегут – маленькая девочка с братом-подростком, держатся за руки, смеются... «Это мы в Калифорнии», – думает Вика. Далёким-далёким краем сознания она помнит, что спит, потому не удивляется, видя себя и брата маленькими в Америке. А потом они уже сидят в лодке, качаются среди волн, берег виден, но смутно. Серёжа вдруг прыгает за борт, а вода ему оказывается всего лишь по пояс. «Надо же, здесь мелко, как на Азовском море», – опять думает Вика. И вновь не удивляется ни этому факту, ни тому, что плывут они не на яхте, а в простой рыбацкой лодке – в такой когда-то родственники возили их по мелкому Азовскому морю... Лодка качается, волны качаются... «Как самолёт в небе», – опять выплывает откуда-то из подсознания. Но незаметно спокойный приятный сон сменяется сначала тревожным, а потом просто страшным сумбуром. Ли-

цо Игоря с тоскливыми глазами, он что-то говорит, сначала тихо, потом повышая голос. Лицо бедняжки Лины, бледное, почти незнакомое, голова повязана полотняной старушечьей косынкой: такой Вика видела подругу в гробу, когда ту хоронили. Лицо Виты – страшное, перекошенное злобой, её истеричный крик, срывающийся на визг: «Это ты, ты наколдовала ей смерть! И мне хотела, но не вышло! Забирай теперь своего Игоря!» И снова Игорь, он тоже уже кричит: «Если бы ты меня не оттолкнула, всё было бы по-другому! Все были бы живы... Все будут живы, только не надо делать глупостей! Оставайтесь на местах, не двигайтесь!...»

«О чём это он?» – удивляется Виктория, и помимо воли выходит, словно выныривает из сна. Прямо в проходе, совсем недалеко от неё стоит тот самый красавец-скандинав.

«Здорово! Он всё-таки летит со мной!» – успевает подумать она и даже широко улыбнуться, поймав взгляд парня. И только через секунду замечает пистолет в его руке.

Красавец тоже узнал девушку и тоже улыбнулся. Это была очень красноречивая улыбка: приятное удивление, лёгкое сожаление и даже словно извинение: что, мол, поделаешь, так получилось... С уже знакомой звериной грацией он повёл рукой с пистолетом – на уровне голов пассажиров, – и повторил по-английски:

– Это угон самолёта, думаю, все поняли. Но ваши жизни вне опасности, если будете вести себя спокойно, делать только то, что прикажут.

Тут же самолёт дёрнулся, сделал резкий крен. Несколько человек, в том числе и соседка Виктории, немка, вскрикнули – от неожиданности, нервного напряжения.

– Ничего страшно, мы меняем курс. Если хотите, пристегнитесь ремнями. Да, в самом деле – сделайте все так. Будет гарантия, что никто не встанет с места.

«Скандинав» был на удивление спокоен, доброжелателен. Он вновь улыбнулся Виктории, как старой знакомой. Такая это была неотразимая улыбка, что девушка совершенно непроизвольно улыбнулась в ответ. Мышцы, минуту назад сведённые страхом, сами собой расслабились. «Нет, этот парень не станет делать ничего плохого! Высадит где-нибудь нас или на кого-то обменяет... Вот так приключение, даже интересно... Я ведь никуда не тороплюсь...»

Она взяла концы пристяжного ремня, жестом показала «скандинаву», что готова пристегнуться. Он чуть заметно покачал головой: «Нет, ты можешь этого не делать!» Она удивлённо приподняла бровь: «Вот как? Ну ладно...» Их весёлая переговорная мимика рассмешила их обоих. Виктория прыснула, сдерживая смех, он улыбнулся ещё шире.

В это время, отдёрнув занавеску отделения стюардесс и дальше – кабины пилотов, – в салон шагнул другой парень, тот самый темноволосый крепыш в клетчатой рубаше. Оба угонщика быстро перебросились фразами, и главный – а «скандинав» явно был главным, – нахмурился. Виктории, которая не спускала с него глаз, вновь стало тревожно. К то-

му же темноволосый держал небольшой чемоданчик, девушка вдруг заметила, что не только она, но и все пассажиры смотрят на этот предмет. Увидел это и «скандинав». Он кивнул, сказал опять громко, по-английски:

– Вижу, все догадались! Это наше взрывное устройство. Пульт у меня, вот здесь. – Показал на поясной ремень. – Все мы в безопасности, пока всё идёт хорошо.

Двое вновь заговорили между собой. Виктория слышала обрывки фраз, но никак не могла понять, что это за язык. Может быть, конечно, шведский или датский, но что-то было в произношении, гортанности, особой интонации явно не европейское. «Может, кавказский какой-то? – мелькнула мысль. – Темноволосый вроде бы похож на горца...»

Сейчас красавец-угонщик злился: глаза его сузились, губы кривились, хищно обнажался оскал. Лоб Виктории мгновенно покрылся капельками пота, они потекли по лбу, но она, оцепенев, не решалась достать платок, вытереть. И поведение угонщиков, и предчувствие того, что там, в кабине, случилось плохое, сжимало сердце страхом.

– Может, вы сообщите нам, куда мы всё-таки летим?

Голос, прозвучавший сзади, вовсе не казался испуганным, наоборот – раздражённо-требовательным. Виктория вздрогнула и внутренне сжалась. «Господи, обязательно найдётся такой напыщенный балбес! Как будто не происходят ежедневно взрывы, теракты, угоны. Как будто не было взрывов в Москве, отравления в токийском метро, 11 сентября в Нью-

Йорке...»

Злость, ударившая в виски, оказалась сильнее страха, и девушка оглянулась. Точно: говоривший мужчина стоял, брезгливо оттопырив губу, поправляя дымчатые очки и тонкой оправе. «Скандинав» отреагировал мгновенно. В несколько неуволвимых шагов он оказался рядом с женщиной, ткнул пистолет тому в лоб, выговорил чётко и яростно:

– Вопросы никто не задаёт! Я сам решаю, что вам сообщать и когда!

Бледный, трясущийся мужчина упал в кресло. Обстановка в салоне, до сих пор достаточно тревожная и нервная, теперь казалась наэлектризована почти осязаемым ужасом. Кому-то наверное стало плохо: запахло одновременно рвотой и дурными газами. Угонщик, уже вернувшийся к своему низкорослому напарнику, тоже это почувствовал. Он зажал пальцами нос и вновь соорудил забавную гримасу Виктории. Но девушка не смогла ему ответить, ей тоже было страшно. Темноволосый вскоре ушёл к кабине пилотов, самолёт вновь несколько раз сильно дёрнулся, накренился, но потом пошёл ровно, только гудение моторов стало громче. «Скандинав» всё также стоял в проходе, он явно о чём-то напряжённо раздумывал. Один из пассажиров сильно икал и ничего не мог с этим поделать. Кто-то монотонно бормотал, видимо молился, кто-то вдруг стал истерично всхлипывать. Как ни странно, всё эти звуки ещё больше подчёркивали напряжённую тишину салона.

– Давайте сделаем вот что...

Угонщик произнёс это спокойно и негромко, но несколько человек опять вскрикнули.

– Ну, ну, спокойно, – у него тоже появились раздражённые интонации. – Я же сказал: никому ничего не грозит при хорошем поведении! А чтобы вам не было страшно, все сейчас перейдёте в задний салон. Здесь вас мало, и там народу немного, как раз все поместитесь. Всем вместе вам будет веселее.

«Сейчас мы встанем, будем двигаться, можно что-то придумать... – Мысли вертелись у Виктории в голове быстро-быстро. – Он один, его напарник со взрывчаткой далеко, руку на поясе он не держит... Да и не захочет взрывать сам себя... Если бы кто-то из мужчин, нас ведь тут много, вон есть молодые, сильные, если бы кто-то рискнул, бросился бы на него...»

Она закусила губу от напряжения, но в тот же миг поймала взгляд угонщика, смертельно испугалась, что он догадается, как-то прочтёт её мысли. И улыбнулась ему – это получилось само собой, как отвлекающий маневр. В тот же миг он крикнул:

– Эй, там! Что у вас?

Головы всех пассажиров повернулись к заднему салону. Там в дверях стоял ещё один мужчина: высокий, мощный, немолодой, с тяжёлой челюстью и тяжёлым взглядом. Он был вооружён: что-то вроде короткого внушительного автомата.

– Порядок! – рявкнул этот новый бандит.

– Принимай к себе новых пассажиров, – распорядился «скандинав», и ухмыльнулся: – Устрой всех в лучшем виде!

Потом уже серьёзно, обращаясь к своим заложникам, приказал:

– Вставайте по одному, вот оттуда, с задних мест. Выходите. Быстро, быстро!

Люди стали подниматься, переходить в задний салон, а бандит с автоматом, для устрашения, что ли, каждого подталкивал в спину. Вот встала седая немка, посеменила по проходу. Виктория приподнялась... Одеяло, которым она укрывалась, давно уже лежало у ног, но только теперь она увидела, что обута в тёплые носки. Она стала лихорадочно снимать их, надевать кроссовки – хорошо, что те не на шнурках, а на липучках. Выпрямилась, подняла взгляд и вновь увидела, что угонщик смотрит на неё. Милая улыбка, такое доброе выражение лица! Она опять не удержалась, улыбнулась в ответ. И тут он ей сказал:

– Не торопитесь, девушка. Прошу вас, останьтесь, мне кажется, мы можем очень приятно пообщаться.

Какая-то двусмысленность прозвучала в этой фразе, испуг мгновенно вернулся, превратив улыбку в скованную гримасу. «Скандинав» тут же уловил это, добавил быстро:

– Я не обижу вас!

И Виктория поверила ласковому голосу с явно звучащими нотками извинения. Они уже были одни в салоне. Угонщик

сел в одно из сидений, лицом в проход, элегантным движением руки пригласил девушку присесть напротив. Она, включаясь в игру, сделала лёгкий реверанс, походкой «от бедра» миновала проход, села. Теперь они оба, улыбаясь, смотрели друг на друга, молча, в глаза... У Виктории появился лихорадочный кураж. От этого её взгляд по-особенному заблестел, на смуглых щеках появился румянец. Она вновь, как и в кафе терминала, ощутила себя необыкновенно красивой под взглядом этого парня. Но тогда он просто ей понравился, теперь же притягивала не только его красота, но и власть, и хищное мужество.

«Скандинав» тоже вспомнил терминал.

– Когда мы впервые взглянули друг на друга, я сразу понял, что эта встреча не случайная и не последняя.

«Красиво говорит! – подумала девушка с иронией – Поэтическая натура! Террорист-романтик, искренний борец за какую-то идею, что ли?»

Она молча продолжала его разглядывать, тогда он потянулся и взял её ладонь. Рука у него была крепкая, шершавая и горячая. И, наверное, пронизанная особыми биотоками, потому что девушку мгновенно окатила такая же горячая, будоражащая волна.

– Как же вас зовут, незнакомка?

– Виктория.

Он резко щёлкнул пальцами, воскликнул радостно:

– Победа! Чудесное имя! Нет, не случайно я вас встретил.

Нам будет удача!

Он как-то многозначительно произнёс это «нам», Виктория обратила внимания, но сделала вид, что не поняла.

– А ваше имя?..

«Скандинав» лишь на мгновенье замешкался, потом сказал:

– Зови меня Олаф.

– Красивое имя, – сказала Виктория, подумав: «Своё ли назвал?» – Шведское, кажется.

– И датское, – уточнил он. И, картинно поведя бровями, добавил: – Я соотечественник принца Гамлета.

В проёме кабины пилотов, вновь одёрнув занавеску, появился низкорослый крепыш. Олаф резко повернулся, спросил что-то. Виктория вновь не поняла ни слова, но тон её собеседника сразу стал иным – требовательным и сердитым. Темноволосый ответил несколькими фразами. Олаф успокоился, расслабился, махнул рукой, явно отдавая приказ. Тот кивнул, вновь исчез.

– Если не секрет, на каком языке вы говорите? – спросила девушка. – Никак не могу понять.

– Это одно из индейских наречий.

– Интересно! Случайно, не кодовый язык навахо?

Олаф улыбнулся. В его голосе прозвучала нежность:

– Ты образованная девушка, Вики! Восхищаюсь! Чтoб девчонка знала о тайном использовании навахо американцами во время войны – это редкость!

Продолжая улыбаться, он резко хлопнул в ладоши и крикнул:

– Кеаро!

После короткой паузы из-за занавески вновь шагнул крепкий в клетчатой рубашке.

– Пусть стюардесса приготовит нам кофе, две чашки, покрепче.

Он сказал это по-английски, махнул рукой – мол, давай быстро. Кеаро молча кивнул, исчез.

«Ну конечно, – подумала Виктория. – Никакой он не кавказец. Самый настоящий индеец. Наверное, из того племени, на чьём языке они говорят».

Глаза Олафа, тоже кошачьи, серо-зелёные, смотрели на девушку не отрываясь, гипнотизируя. И она чувствовала, что поддаётся этому гипнозу.

Глава 4

Кофе был очень хороший – лучше, чем тот, который Виктория уже пила в самолёте. Наверное, индеец заставил одну из стюардесс принести для «шефа» кофе из салона первого класса.

Особое, будоражащее тепло разлилось по крови, появилось чувство покоя и уверенности, что ей многое позволено. Например, задать вопрос... Это был кураж сродни лёгкому опьянению. И Виктория спросила:

– А всё-таки, куда мы летим?

Олаф всё так же улыбался, глядя на неё, молчал. И вновь мгновенно вернулся страх. «Господи, я с ума сошла! Он сейчас убьёт меня! Это же улыбка психопата...» Но в это мгновенье «скандинав» ответил:

– Мы скоро приземлимся на одном острове.

– Острове? А... дальше?

– Это всё. Конечный пункт.

– Но как же... – Виктория растерялась. – Вы нас на кого-то обменяете?

– Нет.

– Значит, будете предъявлять требования? Кому? Какой-то стране?

Олаф легко, иронично пожал плечами, словно его забавляла эта детская игра в вопросы-разгадки.

– Нет, никаких ни к кому требований. Зачем? Всё, что надо, мы берём сами.

– Тогда я не понимаю...

На скулах девушки загорелись красные пятна, как будто у неё внезапно начался жар. Олаф протянул руку, на мгновение коснулся её щеки, картинно отдёргнул и подул на ладонь.

– Ого, как испугалась! Я даже обжёгся.

– Но я не понимаю, – повторила Вика.

– Объясню. Нам нужен этот самолёт, для наших целей. И люди тоже нужны. Там, где мы приземлимся, у нас есть большая плантация. Есть и завод, кое-что производящий, и лаборатории. Всем будет где работать, а значит все останутся живы.

Виктория долго молчала. Её собеседник тоже, продолжая смотреть на неё с ласковой усмешкой. Она чувствовала уже не страх, а непроглядный ужас: он медленно, как горячая смола, затапливал сердце. Нет, всё происходящее оказалось не приключением, щекочущим нервы, которое в конце концов окончится под стрекот телекамер и вопросы бойких репортёров. Не будут их, пассажиров, окружать вниманием, психологами, снимающими шок, селить в комфортабельные отели, развозить рейсами в нужные места... То, что им уготовано – рабство, причём, на всю оставшуюся жизнь... Нет!

– Нет! – воскликнула Вика вслух. – Нас ведь будут искать! Самолёт не может пропасть бесследно!

– Почему? – Олаф даже обрадовался её словам. – Ещё как

может! Мы ведь изменили курс и находимся в районе знаменитого Бермудского Треугольника. Сколько здесь пропало и кораблей, и самолётов! Заметь, именно бесследно. Весь мир гадает, как и отчего: или земные аномалии, или инопланетяне руку приложили? Неразгаданная тайна. Вот и ещё один самолёт исчез! Поищут, конечно, но не найдут – как и раньше. Разведут руками – Бермудский Треугольник! – что тут поделаешь...

Вновь долгая пауза. У Виктории на глазах закипали слёзы, она изо всех сил пыталась сдержаться, не дать им пролиться. Но когда слезинки всё таки покатались по щекам, она тихо спросила:

– Наркотики?

– Да, мы выращиваем и производим наркотики, – тут же охотно ответил Олаф.

«Он откровенен со мной, потому что знает: я никогда никому ничего не смогу рассказать...»

Теперь лёгкая улыбка сидящего напротив красавца не казалась ей обаятельной. Змеиный изгиб губ!

– Но здесь есть совсем пожилые, даже старые люди, – тихо сказала девушка, вспомнив свою соседку-немку.

– Работа найдётся всем, – ответил Олаф, словно добрый меценат. – У нас там большое поселение. Нужно и готовить, и убирать, и стирать, и упаковывать товар... Все пригодятся. Не бойся, стариков мы, как спартанцы, не убиваем, они живут, сколько могут, и умирают сами.

– Очень быстро!

– Кто как, – равнодушно бросил Олаф. – Этот самолёт очень удачный, много людей молодых и среднего возраста. А нам как раз нужны рабочие на плантациях и в заводе.

Он весело щёлкнул пальцами, рассмеялся:

– Работа на свежем воздухе, в курортной зоне, великолепный загар, кормёжка и жильё бесплатные.

«Еда только чтоб не умереть, и какие-нибудь бараки или хижины», – подумала Виктория.

И Олаф сразу же, словно прочёл её мысли, подтвердил:

– Да, условия жизни скромные, но главное – сама жизнь.

– Как же жить, зная, что никогда больше не увидишь тех, кого любишь, своих родных! И они никогда не узнают, что с тобой? Будут мучаться неизвестностью, надеяться...

– Ничего. Всё проходит. Работа и время избавляют наших пленников от лишних переживаний. У нас ведь, красавица моя, хоть и маленькая... как это сказать... община! Но всё то же самое, что и в большом обществе. Представь, многие находят себе пару, создают семьи. Дети рождаются! У нас и священник есть – протестантский, но все у него венчаются, крестятся, отпеваются. Он у нас на особом положении, как и один мусульманин – ходжа. Тот своих обрабатывает.

Олаф уловил лёгкое движение бровей девушки, тотчас спросил:

– Интересно? Скоро сама всё увидишь. К нам попадают люди разных профессий. Некоторые нам нужны, и они так и

работают: врачами, химиками. У нас, знаешь, есть даже свои открытия. Официально запатентованные, заметь! Правда, не на имена их авторов.

Он самодовольно хохотнул, потом спросил:

– А у тебя какая профессия?

– Она вам не пригодится. – Виктория усмехнулась. – Пойду на плантацию.

Олаф протянул руку, взял ладонь Виктории, легко сжал пальцы. Выражение его лица изменилось: он стал серьёзным, и от этого исчезла жестокость и высокомерие. Девушка вновь непроизвольно заметила, как он красив и обаятелен.

– У меня есть другое предложение. Для тебя. Ты станешь моей подругой.

– У тебя что, девушки нет?

Виктория ответила мгновенно, ещё до конца не осознав сказанное – так, как сказала бы любому парню. Но Олаф так же серьёзно кивнул:

– Да, сейчас я одинок, уже давно. Линда – так её звали, – погибла. И я долго берёг о ней память. Знаешь, я не из тех мужчин, для кого годится любая сексапильная фигурка. Я ищу чувство и понимание. Моя женщина должна любить меня и быть мне соратницей. А я – поверь, – хороший друг.

Он наклонился, глядя ей в глаза, продолжая поглаживать ладонь, и Вика снова ощутила гипнотическую силу его взгляда. Тряхнув головой, она сказала – голос дрогнул, стал хрипловатым:

– Если это так серьёзно... Ведь вы меня не знаете совсем.

– Есть интуиция. Меня она никогда не подводила. Ещё там, в терминале, наши взгляды встретились, и словно молния сверкнула! Ты ведь тоже почувствовала, скажи!

– Да. – Виктория не стала лгать.

– И я почувствовал: «Вот она, моя девушка»! Но это была мимолётная мысль, голова была занята другим. А вот увидел тебя здесь, и сразу понял, как был прав! Разве не сама судьба нам сначала подала знак, а потом и свела?

Девушка прикрыла веки, побоялась, что мужчина увидит в её глазах иронию. «Террорист-романтик», – вновь, как и в начале этой истории, усмехнулась она про себя. Но что скрывать: говорить этот необычный человек умел, и внушать тоже. Слова его были так проникновенны и горячи, что у Вики мимо воли появилось ответное чувство. «А что, если это и правда судьба? Что, если мне уготована не обычная, прогнозированная жизнь, а вот такая – непредсказуемая, рискованная! С кем-то же ведь подобное происходит! Почему же не со мной?..» Но тут же её душа, и характер, и всё, что можно назвать воспитанием и моралью, затрясли её дрожью неприятия: «Это не моё, не моё!..»

Так хотелось ответить прямо и резко, что она не сдержалась:

– Я не представляю себя подругой наркодельца и террориста!

Сжалась в предчувствии вспышки его гнева. У него и

правда сузились зрачки, но он молчал, долго. Потом ответил, но не с гневом, а с обидой.

– Ты могла бы понять, почувствовать... Разве я похож на обычного эсэсина? У меня есть в жизни своя миссия. Я скажу тебе о ней... Люди – это просто большие дети, которых надо исправлять. И мы это будем делать, на всей планете! То, что на виду – этот угон и наше производство на острове, это только средство.

– Значит, есть цель? – Виктория усмехнулась. – Наверное, благородная? Та, которая оправдывает любые средства? – И повторила по латыни: «*Finis sanctificat media*».

– Вот-вот! – воскликнул Олаф в запальчивости и вновь прищёлкнул пальцами. – Когда-то умнейший человек, святой Игнатий Лойола сказал может быть самую умную на свете мысль! С того времени все трусливые, как страусы, моралисты, пинают его кому не лень, издеваются! А ведь вся мудрость земная в этом «Цель оправдывает средства»! Вся суть человеческих взаимоотношений – и любовь в том числе! А политика! А наука! Да и религии – разве нет? И любая борьба, конечно... Подожди!

Он достал маленький прибор, что-то вроде пейджера, нажал кнопку. Почти сразу из второго салона вышел мрачный бандит.

– Что там у тебя, Луиш? – спросил Олаф по-английски.

– Порядок, – рявкнул тот. – Все сидят тихо, как мышки.

У него был какой-то жуткий акцент и неправильный вы-

говор. «Португалец или бразилец, – подумала Вика. – Похоже, шайка у них многонациональная. И там, на острове, наверное, люди из разных стран...»

– Ты не сильно их там пугай, – с усмешкой глянув на Викторию, сказал Олаф. – Мы им сейчас организуем воду, пусть попьют, успокоятся.

Отпустив одного сообщника, он тот час вызвал другого. Кеаро вынырнул из-за занавески, как чёртик из коробки. Олаф приказал ему доставить пассажирам воду, а потом заговорил о чём-то по-индейски. Послушал ответ, хмуря брови, махнул рукой, отпуская. Вскоре Кеаро прошёл во второй салон с бутылками минеральной воды на тележке.

Виктория хотела сказать со злой горечью: «Как благородно!» – но сдержалась. Вместо этого осторожно спросила:

– А... с пилотами нашими... всё в порядке? Или нет? Что-то мне показалось...

– Умница, – похвалил Олаф. – Умеешь замечать и анализировать... Есть проблемы, верно. Не надо было им оказывать сопротивление.

– Как?!

Сердце у девушки рванулось, ладонь припечаталась к губам.

– Ну, ну, не надо так пугаться! Один из них жив, в состоянии вести самолёт. Меня больше другое беспокоит: во время инцидента там, в кабине, разбит один нужный прибор.

Он помолчал, думал Виктория спросит какой именно. Но

она всё ещё не могла опомниться от известия, что один пилот убит. Тогда Олаф сам сказал:

– Есть такая штука – автоматическая система оповещения об опасном сближении. Чтоб избежать столкновения. Мы курс поменяли и никому об этом, естественно не сообщаем. Теперь понимаешь: этот прибор уберегал бы нас от тех, кто может попасться на пути... Впрочем, думаю, что ничего страшного не случится, да и лететь нам уже не долго.

Он посмотрел на осунувшееся лицо девушки, сказал ласково:

– Это хорошо, что ты такая чувствительная, переживаешь и смерть человеческую принимаешь тяжело. Люди именно с такой основой подходят для нашего дела. Но на эту основу нужно надеть прочную броню: выработать жесткость в решениях, ненависть к противнику, точность удара, железную силу собственного авторитета. А в итоге – уметь всё сметать для достижения цели.

– Опять цели! – со злым смешком процедила девушка. – И какая же это у вас великая цель?

– Борьба, – коротко, с напором ответил Олаф.

– Это не ответ! – тряхнула головой Виктория. – С кем борьба? За что? Где, на какой территории?

– Ты обо всём узнаешь, если останешься со мной. Сейчас я просто скажу тебе, что сравниваю себя с Че Геварой. Я, собственно, и есть Че Гевара нашего времени. Ты знаешь, кто это?

Ещё бы ей не знать! Это был герой её родителей. Однажды Вика в разговоре обмолвилась: «Ваш кумир, Че Гевара...» И тут же мама, покачав головой, её поправила: «Это у вас, нынешних молодых, кумиры – всякие певцы, кинозвёзды. У нас были герои, и Че – первый из них. Сейчас о нём немного подзабыли. Но, думаю, это временно. Мне кажется, для вашего поколения он тоже станет героем – вон какие события в мире бурные...»

Дело в том, что именно любовь к Че Геваре свела в молодости её родителей. Они оба учились в медицинском институте, но Анатолий на курс старше Нины, и на разных факультетах. В лицо они друг друга знали, но совершенно не общались. Однажды, во время летней сессии, Нина, прежде чем зайти в аудиторию сдавать экзамен, перелистывала учебник. От волнения уронила книгу, а из неё выпал листок, отлетел к окну, где трое ребят старшего курса курили. Один нагнулся, поднял, удивлённо вскинул глаза на девушку, быстро подошёл.

– Знаешь, – сказал взволнованно, – у меня в записной книжке лежит точно такой снимок, я тоже вырезал его из журнала. Наверное, из того же, что и ты.

Нина взяла у него из рук снимок своего любимого Эрнесто Че Герары, вскинула глаза на высокого парня. Странно, как это она раньше не замечала его? Блестящие карие глаза под густыми бровями, смуглое худощавое лицо, ямочки на щеках, когда он так славно улыбается...

В тот день они не расставались до вечера. Анатолий подождал Нину, и они ходили по городу, ели мороженое в кафе, сидели в парке на скамейке, катались на канатной дороге и говорили, говорили... Куба в то время для молодых советских ребят была, как говорилось в одной песне, — далека и рядом. Революционная романтика, которая к середине шестидесятых годов поблекла в этой стране, вдруг полыхнула на маленьком острове у берегов Америки. И опалила сердца многих парней и девушек. Нина и Толя вспоминали приезд в Союз Фиделя Кастро, говорили о всё ещё идущих боях с бандитами в горах Сьерра-Маэстро, о высадке американского десанта в заливе Гуантанамо. Но больше всего, конечно же, о своём любимце, Че Геваре. Он был не только отчаянный революционер, но и их коллега, врач, не побоявшийся пойти работать в лепрозорий, выхаживать прокажённых и отверженных людей. Он вообще ничего не боялся, иначе как бы смог астматик, страдающий сильнейшими приступами, вести годами партизанскую войну! Быть командиром и примером бойцам!

Теперь же ребят больше всего тревожила неизвестность. Ведь Че Гевара, отказавшись от всех своих высоких полномочий и должностей в правительстве Кубы, исчез. Где он? В газетах что-то проскальзывало: ушёл на отдых, сильно больной... Поссорился с авторитарным и нетерпимым Фиделем... Погиб, и смерть эту скрывают... Но Толя и Нина здесь оказались единомышленниками: нет, не такой человек

Че! Он где-то тайно готовит революцию! Вон, по всей Латинской Америке идут партизанские бои – народ восстаёт против продажных правителей, марионеток США!..

Через год они узнали, что были правы. Узнали в тот октябрьский день, когда в печати, по телевидению сообщили. Эрнесто Че Гевара погиб в Боливии. Гибель его с большой болью признал Фидель Кастро...

Портрет Эрнесто Че Гевары – тот самый, вырезанный из журнала, но увеличенный и взятый в рамку, – висел в квартире Пичужиных с первого дня их супружеской жизни. Поэтому Виктория ответила, глядя Олафу в глаза:

– Я с первых дней своей жизни спала под портретом команданте Че.

А про себя подумала, вспоминая мамину реплику о кумирах и героях: «Вот мы и дождались своих «героев», своих «Че Гевар»!»

– Вики, ты необыкновенная девушка! – воскликнул Олаф с восхищением. – Я такой никогда не встречал! Ты нужна мне, именно ты!

У него было такое искреннее и счастливое лицо, что Виктория вновь невольно им залюбовалась. А он спросил:

– Кто ты по национальности? Я сначала думал – по выговору, – американка. Но теперь уверен – нет! Но и не англичанка... Кто же?

– Я русская.

– Русская? Из России?

Он словно не мог поверить.

– Моя страна называется Украина.

– Украина? – Олаф недоумённо дёрнул плечом. – Что-то слышал, но не помню... Где это?

– Раньше это была одна страна, Советский Союз.

– Знаю. Понял. Это часть вашей большой развалившейся империи.

Увидев, как гневно сошлись у переносицы брови девушки и искривились губы, Олаф весело хохотнул:

– Похоже, тебе жаль Союз, которого уже нет? А кто, какие силы развалили его?.. Впрочем, об этом мы с тобой ещё поговорим. Значит, ты русская, из бывшей большой России?

Виктория больше не возражала, молча кивнула. Она знала, что и в прежние времена за граница называла всех, живущих в СССР, русскими.

– Великолепно! Это ещё один знак судьбы! Ты знаешь, что у Че Гевары в Боливии подругой и соратником была молодая женщина, Таня. Это ведь ваше, русское имя?

– И имя русское, и она сама, Таня, была наполовину русская, наполовину немка.

– Ты поняла, девочка моя! Ты просто не можешь не быть со мной! И ты не пожалеешь, увидишь разные страны, научишься владеть оружием, быть неуловимой!

Виктория сжалась, не зная, что ответить и как выскользнуть из его объятий. А, может, и не надо сопротивляться? Этот неведомый поворот жизни...

Чёрная тень, ударивший по ушам рёв, рывок самолёта, скрежет и снова рывок!.. Викторию и Олафа неведомой силой оторвало друг от друга, девушку швырнуло на сидение и прижало к нему так, что она не могла вдохнуть, лёгкие разрывались...

В ту же минуту в иллюминаторе мелькнуло что-то страшное, огромное, закрыло свет. Удар, жуткий крик где-то сзади, и впереди, и вокруг!.. Викторию бросило вперёд, но тут же больно рвануло обратно. В первый же момент, оказавшись в кресле, она машинально застегнула ремень, даже не зафиксировав это умом. Теперь, так же машинально, она сдёрнула с полки над собой спасательный жилет, ловко проделала всё, что в начале полёта показывала стюардесса. Наверное она думала: «Это катастрофа, мы столкнулись с другим самолётом! Падаем в океан! Я погибну!..» Но руки её сами делали то, что нужно было делать. Мозг, хоть и был в полубессознательном состоянии, фиксировал то, что самолёт с воем падает. И когда с непереносимым грохотом там, в хвостовой части, лопнула обшивка и самолёт стал разваливаться на части, Вика успела подумать: «Нужно отстегнуть ремень...» А пальцы её машинально нащупали баллончик со средством для отпугивания акул...

Глава 5

Теряла она сознание или нет? Руки и ноги сами делали привычные синхронные движения, вся её сущность сконцентрировалась в одном понимании: нужно плыть как можно дальше от чего-то огромного и тонущего, оно может затянуть её в воронку, закрутить, как беспомощную щепку... В эти первые секунды... или минуты?.. она ничего не ощущала, не помнила, не анализировала. Была ли холодная вода, слышались ли вокруг крики, находились ли рядом другие люди – живые или мёртвые, – что вообще произошло?.. Нет, ни о чём Виктория не думала, кроме одного – плыть, плыть, плыть! Дальше, дальше, дальше!

Прошло много времени, пока наконец девушка легла на воду, позволяя волнам и спасательному жилету держать себя, слегка покачивая. Вокруг неё тянулся шлейф какой-то радужной плёнки. «Средство для отпугивания акул», – поняла она. В тот же миг, застонав, она впервые позволила себе подумать: «Мой самолёт разбился! Я одна в океане!» И она повернулась, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда плыла.

Там было то, чего она так боялась увидеть. Разорванный на части её самолёт, торчащее под сильным углом огромное крыло, часть корпуса с вывороченными краями, другие обломки, качающиеся в свинцовой воде. Среди них были видны и несколько тел – волны опускали их, поднимали, крути-

ли... Издалека – а Виктория отплыла-таки далеко, – она не могла разглядеть, есть ли там живые. Всмотривалась до боли в глазах, но никакого движения не видела. «Мертвы, все мертвы! Боже мой...»

Тел, которые она могла видеть, было совсем немного. «Остальные, наверное, ушли под воду вместе с самолётом... Как же я спаслась?»

Сейчас, когда Виктория поняла, что отплыла на безопасное расстояние, она просто лежала на воде, смотрела, думала. Она вспомнила: стал отваливаться хвост лайнера, она надела жилет, отстегнула ремни... Да, видимо её вышвырнуло в образовавшийся пролом, а были они, наверное, уже на небольшой высоте. «Мы столкнулись с другим самолётом! Я же помню! Но где он? Тоже упал, или уцелел, сумел полететь дальше? Хорошо бы, сообщит о нашей катастрофе, станут искать...»

Девушка только теперь почувствовала воду – не холодную, но всё же прохладную. Надо плыть, поняла она. Куда? Какая разница, она ведь где-то в океане, далеко от земли. Спасенье можно ждать только если их станут искать. Или вдруг с какого-то корабля видели падающий самолёт. Надо верить, ведь спаслась же она, даже не ранена! Это не зря! А ей надо двигаться, движение – это жизнь! Плавать подолгу для неё не проблема, тем более на ней спасательный жилет. Она будет плыть и не терять надежды...

Океан казался спокойным и доброжелательным. Волны,

которые девушка преодолевала, шли ровно, были невелики. Она плыла легко, бездумно. Пережитый шок сейчас помогал ей, не давал до конца осознать происшедшее, захлестнуть разум эмоциями. Но в какой-то момент она запаниковала: нужно ли уплывать от самолёта – вернее, тех обломков, что остались на воде и видны? Ведь искать, скорее всего, станут именно там, рядом?.. Она повернула, поплыла обратно. Но через время снова остановилась: в самом ли деле она плывёт к останкам самолёта? Или в другую сторону? Как здесь сориентироваться, среди мерных, неторопливых, совершенно одинаковых волн, идущих и идущих мимо...

«Буду просто плыть, – решила Виктория. – Что я могу ещё делать?»

И она плыла, делая иногда лишний левый гребок, потому что не хотела, очертив круг, вновь оказаться на том же месте, среди обломков и тел... лучше плыть вперёд, всё равно куда, но вперёд. Ложилась на спину, отдыхая, видела над собой совершенно безоблачное и оттого безжизненное небо, чувствовала, как сжимается от тоски и страха сердце, снова плыла до оупения. Ей казалось, прошло много часов, но оставалось светло, сумерки не наступали. Но они ведь наступят! А потом и совсем стемнеет... Подступало отчаяние. В один такой момент Виктория и услышала крик. Лишь на мгновение мелькнула мысль: «Галлюцинация?..» Но совсем недалёкое «Эй! Эй!», а потом и вовсе разборчивое «Постойте, подождите!» заставили её подпрыгнуть на волнах, закрутиться

на одном месте. К ней плыл человек, мужчина. Она отчаянно рванулась навстречу, он тоже приближался стремительно. Несколько последних взмахов рук, и они оказались рядом.

От счастья Виктория толком и не разглядела своего соратника. Какая разница! Это был человек, живой, рядом с ней! Девушка сразу поверила, что теперь она спасётся... они спасутся!

– Вы хорошо плаваете, я с трудом догнал вас.

Он говорил так спокойно, даже весело, словно они плыли по соседним дорожкам бассейна и просто болтали от нечего делать. Виктория молча, не отвечая, смотрела на него. Наверное она плакала, но лицо и без того было мокрым и солёным. Теперь она видела, что рядом с ней молодой человек – старше её, но молодой. Волосы тёмными прядями облепили его лоб, щёки. Торс его был обнажён, и Виктория подумала: «Разделся, чтобы легче плыть...» На нём не было спасательного жилета, но он толкал перед собой, придерживаясь, доску – похоже, кусок двери или перегородки самолёта, с рваными краями, но довольно большой. Он смотрел, как и говорил – спокойно, доброжелательно, и на девушку тоже снизошла радостная уверенность. Она на мгновение опустила в воду лицо, провела по нему ладонью, словно стирая вместе со слезами и страх, улыбнулась.

– Я так боялась, что спаслась одна!.. Вы кого-нибудь ещё видели?

– Увы, нет. Вас я тоже заметил не сразу, тоже боялся, что

остался один.

– Господи, как хорошо, нас теперь двое!

– Вы правильно плывёте, только надо взять немного правее... Восточнее.

От этих его слов у Виктории сильно забилося сердце.

– Что значит «правильно»? Почему вы так говорите?

Только сейчас она поняла, что разговор у них идёт на английском языке. Но мысль эта мелькнула так, мимолётно. А он ответил:

– В той стороне будет земля, не очень далеко. Мы доплывём.

– Это правда? Откуда вы знаете?

– Как раз перед тем, как всё случилось – наша катастрофа, – я смотрел на экран, на карту нашего маршрута.

Виктория вспомнила: в салоне, где она оставалась наедине с Олафом, электронное табло уже не горело. Но наверное в другом салоне, куда перегнали всех пассажиров, экран продолжал работать... Девушка поверила сразу, так хотелось верить! Но всё же, уже плывя рядом с этим необыкновенным вестником спасения, она спросила:

– И вы вот так хорошо запомнили? И даже после всего, что случилось, не забыли, где эта земля, не перепутали?

– Я хорошо ориентируюсь в пространстве, – просто и коротко ответил тот.

Плыли молча, мужчина иногда корректировал направление или предлагал немного передохнуть. Наверное, после

пережитого ему, как и Виктории, хотелось молчать, да и силы нужно было беречь. Она же, подчиняясь его руководству и его ритму движения, всё время думала о том, как всё необычно – то, что произошло! Всё, начиная с того момента, когда она в кафе франкфуртского терминала увидела Олафа. Предчувствие этого необычного – тогда ещё радостное предчувствие, – появилось уже там. Потом же, когда события следовали стремительно, несколько раз её охватывало ощущение странности. Как будто она смотрит со стороны – не о себе, о ком-то... Мгновенные всплески «не верю!» Но Виктория уже знала горькую истину: всё, что происходит с кем-то, может произойти и с тобой. Она поняла это, когда разбилась в машине её лучшая подруга Лина. Они дружили с детства – в одной песочнице играли, в одну школу ходили, ссорились, мирились... Самый близкий человек, весёлая, легкомысленная, добрая, юная, красивая... Стоя у гроба Лины, Вика в какой-то момент ясно и жестоко поняла: ничего в жизни мимо не пройдёт! Сколько раз она слышала о разных трагедиях – по телевидению, рассказы знакомых, читала в газетах. Но всегда казалось, что с ней нет, такого не может быть. С кем-то, где-то... Но вот девочка, почти что часть её самой, погибла, лежит мёртвая! Живёшь – до всего доживёшь!

Чувство: «Если с другими это происходит, то почему не может со мной?» – приходило к ней и в самолёте, когда Олаф предложил стать его подругой. И сейчас, видя рядом плывущего чуть впереди мужчину, Виктория думала: «Значит

это и в самом деле возможно: выжить в жуткой катастрофе, встретить в огромной океане спутника и выплыть к земле! Господи, неужели это всё случилось со мной!» И почти сразу, словно отвечая на её мысли, мужчина сказал:

– Посмотрите вперёд! Похоже, мы у цели!

Виктория выпрыгнула из воды так, как выпрыгивают дельфины – откуда силы взялись! Впереди вставал прямо из океана чёрный гребнистый утёс. Да так близко, что было видно, как бьются о его подножье огромные белопенные волны. Казалось бы, что можно испытывать кроме счастья – вот она, спасительная земля! – но девушка заволновалась.

– Как же мы подплывём? Нас разобьёт о камни!

– Не разобьёт. Смотрите, там, правее, начинается полоса рифов. Давайте к ним.

Уже через пять минут они карабкались на торчащий из воды большой чёрный камень. Когда Виктория блаженно растянулась на этом мокром клочке суши и перевела дыхание, она осмотрелась. Из воды, на небольшом расстоянии друг от друга выступали другие подобные каменные валуны, блестящие и чёрные, похожие на спины доисторических гигантов. Они и правда шли полукругом вдоль гористого побережья, а пространство между ними и землёй было почти безводным – песчаные отмели, покрытые водорослями! Тот утёс, который первым увидела Виктория, остался в стороне, перед ними открывалась бухта.

– Скорее, мы же туда можем просто пешком дойти!

Она вскочила на ноги, повернулась к своему спутнику. Он стоял, улыбаясь, стягивая облепившие его бёдра куртку и рубаху. Оказывается, они были завязаны рукавами у него на поясе, сейчас он выкручивал из них воду.

– Да, нам повезло! Теперь отлив, и с этой коралловой банки до основной суши мы доберёмся довольно легко. Но давайте поторопимся. Я не знаю, сколько времени до начала прилива, как бы он нас не настиг.

– Пойдёмте, пойдёмте, скорее! Нам точно повезёт! Вы же видите, как всё складывается! Господи, ещё немного времени, и мы будем в каком-нибудь городке или посёлке, позволим по телефону, чтоб родные не волновались!

Он спрыгнул вниз, на мокрый песок, протянул девушке руку, и так, не отпуская её руки, повёл по скользким водорослям. После небольшой паузы, особенно ласково и осторожно, произнёс:

– Не знаю, получится ли позвонить сразу... И вообще... Это ведь остров. Небольшой и неизвестно, обитаемый ли...

Глава 6

Они вышли в бухту, на берег, покрытый невысокой травой. Потом потянулись песчаные дюны, здесь стало идти труднее сквозь тростник и мелкий кустарник. С одной стороны бухту замыкали высокие скалы, и Виктория резко повернулась и пошла в их сторону.

– Пойдите, – окликнул её мужчина. – Вы куда?

Но она молча ожесточённо шла вперёд. Неожиданная злость захлестнула её. Надо же, какой супермен! Всё он знает! И куда плыть, и то, что это остров! Но она не верит, не верит, сейчас она заберётся на самый верх, сама во всём убедится!

Викторию трясло от злости. Ей даже стало жарко, хотя дул холодный береговой ветер. Но ей казалось, он обжигает лицо, и от этого горячий розовый туман заволакивал глаза. Когда мужчина нагнал и взял её за руку, она молча вырвалась. Но он снова попридержал её.

– Здесь не подняться, слишком круто, – сказал, словно понял её намерение. – Вон там пологий склон, пойдёмте туда.

Потом они сидели на верху и смотрели на океан, который открывался со всех четырёх сторон. Это был остров, и совсем небольшой. Виктория, пережив новое потрясение, теперь казалась совершенно спокойной. Обхватив руками поджатые к груди колени, она оглядывала возвышенную часть

острова, поросшую лесом, зелёные равнины со светлыми ручьями, песчаные отмели, заливчики и бухты, вдающиеся в берег. Вяло пульсировала мысль: «Красиво...» Но она не могла любоваться этим и в самом деле красивым видом, её сковывала апатия и сонливость. Человек, сидевший рядом с ней, сказал озабоченно:

– Мне кажется, вы себя плохо чувствуете! Надо спускаться вниз. Здесь сильный ветер, а у вас, похоже, и без того жар.

Она слышала его слова как будто издалека. Но ей не хотелось отвечать, вообще ничего не хотелось...

Глаза открылись с трудом, и поначалу Виктория ничего не увидела. Темно, но впереди чуть светлым фоном выделялся какой-то проём. А в нём – яркие звёзды! Неужели уже ночь? Она хорошо всё помнила: высокая скала, красивый маленький остров... Но ведь был же день? Ей так хотелось закрыть глаза, и она закрыла их на минутку... Значит, крепко заснула и надолго. Но это не скала: она лежит на лиственной подстилке, ей мягко, тепло... В проёме появился силуэт, она поняла, что это её спутник, хотя лица и не разглядеть. Он стал на колени, наклоняясь к ней, сказал:

– Вы очнулись? Отлично! Как себя чувствуете?

Голос его был так же мягок и добр, как всё недолгое время их знакомства. Виктория сразу вспомнила, как она на него обозлилась совершенно без всякой причины, вела себя грубо. Стало очень стыдно, даже прихлынули слёзы. А ведь она никогда не была слезливой или быстрой на раскаяние! Захо-

телось сказать ему что-то очень хорошее, и она неожиданно для себя спросила:

– Как вас зовут?

– Что? – переспросил он, и девушка после небольшой паузы сообразила, что говорит по-русски.

– Как ваше имя, я до сих пор не знаю? – повторила она по-английски.

И он быстро и радостно ответил:

– Энтони. Но это слишком официально, зовите меня Тони.

– А я Виктория.

– Очень красивое имя. – Она почувствовала, что мужчина улыбнулся. – Меня всегда очаровывало оно... Тори...

Тори! Виктории сразу понравилось это английское сокращение. Так её никто никогда не звал. У неё снова отяжелели веки и, уже проваливаясь в небытие, она всё же успела спросить:

– Где мы?

И успела услышать:

– Это пещера, внизу, у моря. Здесь тихо, ветер не задувает. Но завтра мы перейдём в другое место, лучшее. Я нашёл...

Но что Энтони нашёл, она уже не поняла.

...Виктория вышла в настоящую дверь на высокую веранду. Очнувшись в комнате – деревянные стены, лежак, стол... – она на этот раз не торопилась радоваться. Немного

полежала, думая: «Наверное это деревня аборигенов. Я могла и не заметить её со скалы. А Тони нашёл...» Не самый худший вариант в их положении. Тут же заработало воображение: у аборигенов есть лодки, к ним хотя бы иногда приплывают корабли, она и Тони проживут с этими людьми, дождутся!.. Сдерживая себя, Виктория встала, увидела, что на ней только трусики и топик, а одежда, уже сухая, лежит на табурете. Она надела джинсы, взяла в руки кроссовки и вышла наружу.

Стоял, наверное, полдень. Солнце слепило, дощатая веранда согревала босые ноги. То, что девушка увидела, поражало. Вокруг, на большой поляне, росли гигантские деревья, не меньше десятка. Их невероятные, необъятные стволы казались колоннами красивого цвета топлённого молока. Не было видно, чтобы они сужались, и уже очень высоко разветвлялись. Ветви тоже были такими мощными, как целое дерево! Словно там, в поднебесье, рос настоящий лес! Но он не закрывал неба, ясного, светлого, и солнечные лучи сквозь зелень рассыпались вокруг веером. Дальше, за этими исполинами, виднелись обычные деревья, кустарник, а между ними протекал ручей. А вот других домов рядом не наблюдалось, только этот, один.

Виктория осмотрела своё жилище. Добротно сбитое из досок нечто вроде бунгало на высоких сваях. Постамент служил круговой верандой, опоясанной невысокими перилами. Широкая лесенка из восьми крепких, тоже дощатых ступе-

ней спускалась к земле. Две комнаты разделены тонкой перегородкой, между ними есть дверь, но каждая имеет и свой выход на веранду. Небольшие окна на все четыре стороны, без стёкол, но затянутые москитными сетками. Крыша тоже из досок, но сверху ещё накрыта пальмовыми ветвями и листьями.

– Где же Энтони? – спросила она неизвестно кого, в пространство.

Но только произнесла это вслух, как он тот час и появился. Возник совсем недалеко, между двумя огромными стволами. Словно отвечая ей, помахал рукой, улыбаясь. Мужчина быстро приближался, и тут уже Виктория улыбнулась, увидев, как он одет: брюки, завёрнутые по колено, туфли на босу ногу и рубашка, впрочем, расстёгнутая и завязанная узлом на животе.

– Привет!

Он взбежал по ступеням и стал рядом с ней, опершись рукой на перила.

– Привет!

– Ты отлично выглядишь!

– Ну да, – Виктория пожала плечами. – Я хорошо выпалась.

– Очень хорошо! – Он засмеялся. – Двое суток, сегодня третьи.

– Ка-а-ак?! – Виктория не то, чтоб не поверила, просто была удивлена. – Так долго? Что же со мной было?

– Наверное, горячка. Да ещё наложился стресс от всего пережитого. Лечил, как мог.

Она смутилась, не зная, что же входило в «лечение». Но Энтони этого не заметил, он положил на доски какие-то длинные палки, которые принёс с собой, сел на край поста-мента, опустив вниз ноги. Виктория пристроилась рядом и всё-таки спросила.

– Как же ты лечил меня?

– Здесь нашлась бутылка рома, я заваривал крепкий чай, подливал в него ром и поил тебя, часто, каждые два часа.

– Я не помню...

– Ну да, ты была почти без памяти. Так, что-то осмыслен-ное слегка мелькало в глазах, что-то ты говорила, но в себя, и в самом деле, не приходила... А ещё я растирал тебя ромом.

– Растирал?..

– Да, спину, – поторопился уточнить он.

Наступила долгая неловкая пауза, а потом Тони спросил. Наверное не только для того, чтобы её заполнить, ему и в самом деле было интересно.

– Скажи, Тори, ты когда была без памяти, говорила на ка-ком-то языке. Наверное, на своём родном? Я не уверен, но мне показалось, что это русский язык.

– А ты знаешь русский? – чуть склонив голову, посмотре-ла на него девушка.

Она не удивилась бы, если б этот необычный человек, с которым ей почему-то так легко, ответил бы утвердительно.

Это было бы в стиле всего происходившего – он всё знает, всё умеет... Но Тони покачал головой.

– Нет, не знаю. Но где-то, когда-то приходилось что-то слышать: какие-то слова, в каких-то фильмах... Вообщем, мне так показалось.

Виктория не удержалась, хихикнула:

– Разве ты мог ошибиться! Точно, если я и говорила, то говорила по-русски. Как радистка Кэт!

– Кто? – не понял Тони.

– Да ты не знаешь. Это у нас есть фильм такой, о разведчиках во время войны с Германией...

– Значит, ты русская?

– Да.

– Из России?

Кажется, он удивился.

– Нет, – сказала она. – Из Украины.

Она подумала, что сейчас Тони отреагирует так же, как Олаф в самолёте: пожмёт плечами, мол, что это за страна... Но он спокойно кивнул:

– Да, знаю. Это один из осколков вашей великой империи.

– Ну-у, скажу я тебе, осколок довольно большой! Побольше, чем твоя Англия.

– Вот как? А почему ты уверена, что я англичанин?

– Ты говоришь по-английски, не так, как американцы.

– А ты, как американка. Но всё-таки, ты русская.

– И всё же: ты англичанин?

– Да, – подтвердил он. – Англичанин.

Их разговор бежал легко, но Виктория всё время ощущала напряжение. Причём, сквозь оживлённую непринуждённость Энтони она видела – он тоже напряжён. Словно их беседа-знакомство была затеяна для того, чтоб не говорить о другом, о важном. Но говорить нужно было, и Виктория первая спросила:

– Скажи, а что это за дом? Есть тут другие, такие же, есть ещё люди? Или...

Она замолчала: и так всё было понятно.

– Других нет, – ответил он просто. – Только это строение.

И тут же, быстро, увидев, как разом потух её взгляд, продолжил:

– Понимаешь, в чём дело! Здесь, в этих местах, могут быть необитаемые острова. Скорее всего тот, на который мы попали, именно такой. Но необитаемые, это не значит – неизвестные. Как видишь, этот остров посещают, пусть не часто, но сюда добираются люди. Всё-таки недалеко континент – Америка. Наверняка кто-то из любителей рыбной ловли, или просто туристы – на яхтах, катерах, приплывают сюда. Особенно в сезон.

– А сейчас, сезон?

– Не совсем. Но не настолько, чтобы мёртвый штиль. Думаю, в скором времени кто-нибудь сюда завернёт. И потом...

– Да, – воскликнула она, – нас ведь должны искать!

– Обязательно! Нас обязательно будут искать. Уже ищут!

– Я вот всё время думаю: а что случилось с другим самолётом?

– Другим? – Энтони не сразу понял.

– Ну, тем, который налетел на нас!

– А-а, да конечно. Я понял.

– Может, он всё-таки уцелел. – Девушка смотрела на собеседника с энтузиазмом и надеждой. – Может быть сумел передать координаты, вообще то, что случилось? И тогда нас быстро найдут!

– Хотелось бы надеяться... Пойдём, я покажу тебе что-то!

Он бодро встал, за руку поднял Викторию. Они снова зашли в дом. За перегородкой, во второй комнатухе тоже стоял лежак, а в углу – нечто вроде шкафа. Энтони распахнул дверцы, и она увидела, что шкаф заставлен жестяными банками. Их было много. Энтони взял одну, не открывая, потряс ею, как погремушкой, взял вторую.

– Смотри, это крупа. Рис, гречневая, маис. Вот сахар, вот соль, а это галеты... Здесь, – он показал на другие, круглые жестяные банки, – это консервы, разные. Понимаешь, сюда конечно кто-то приезжает время от времени! Продуктов приблизительно на недельку, чтобы пожить небольшой компанией.

– Вроде нашей, – усмехнулась Виктория.

– А что! Получается, как раз для нас и приготовили!

– Думаешь, за неделю нас найдут?

– Хочется верить. Но если и задержимся, не переживай,

здесь много других продуктов питания. Сейчас они пока бегают и плавают, но я уже заготовки для удочек подобрал. Здесь рядом славный чистый ручей. Там, где он приближается к лагуне, много камней, вода прямо бурлит на них. Отлично для рыбалки! А рыбак я неплохой. И ещё: я нашёл в доме такие плетёные ловушки для птиц и мелких зверьков...

– Силки, – сказала Виктория по-русски.

Энтони весело поднял бровь, повторил:

– Сил-ки... Хорошо, я так и буду это называть. Так что будет у нас и рыба, и дичь.

Он взял её ладонь, легонько пожал, словно подбадривал: всё будет хорошо! Потом продолжил:

– Пока ты три дня отдыхала, я обследовал наш остров. Это благодатное место! Не удивлюсь, если окажется, что он – чьё-то частное владение. Я, правда, боялся тебя одну надолго оставлять, но всё же много осмотрел.

– Тони, – попросила Виктория. – Покажи и мне остров.

– Сейчас?

– Ну да! А что ещё делать, чего ждать.

– Как ты себя чувствуешь? Силы есть?

– Честное слово, во мне столько бодрости! Даже не верится, что я была так сильно больна, так долго не приходила в себя.

Тони посмотрел на неё внимательно, взял за запястье, пощупал пульс. Она улыбнулась:

– Ты врач?

– Нет, – он тоже улыбнулся. – Но это же элементарно... Хорошо! Пойдём, погуляем. Обувайся, и набрось футболку, а то солнце может сжечь кожу.

Виктория взяла свою футболку, почувствовала, что ткань чистая и мягкая. Вопросительно глянула на спутника. Он пожал плечами.

– Я просто прополоскал её в ручье, чтобы убрать заско-
рузлость от морской воды.

Кроссовки были несколько ссохшиеся, хотя и их Тони явно мыл в проточной воде.

– Это уже от солнца, – сказал он. – Дай сюда.

Крепко помял их, протянул девушке:

– Обувай, всё нормально.

Поставив ногу на верхнюю ступеньку, Виктория покачнулась – от волнения слегка закружилась голова. Тони крепко взял её за руку, так они и спустились на поляну, рука об руку.

Глава 7

Первое, что спросила Виктория:

– Что это за деревья? Эти огромные красавцы?

– Обычные секвойи. Никогда не видела раньше?

– Нет, откуда. Это ведь тропические растения, а я из других краёв.

– Оттуда, где растут сосны и ели? – Тони улыбнулся. – Так секвойи из этой же породы. И представь, здесь не самые большие экземпляры. В Калифорнии встречаются целые леса секвой, у некоторых окружность метров двадцать пять, тридцать.

– В Калифорнии! – Виктория остановилась, прикрыв глаза, словно только сейчас вспомнила. – В Лос-Анджелесе брат уже знает о катастрофе, может быть и маме позвонил... Бедные! Что они сейчас чувствуют!

– Они надеются, – проникновенно сказал Тони. И, помолчав, спросил. – Так ты в Лос-Анджелес летела? Через Нью-Йорк?

– Нет. – Виктория снова пошла рядом с ним. – Это же был прямой рейс, из Франкфурта в Лос-Анджелес.

Тони подошёл к одной из секвой, у которой оказалось дупло.

– Смотри, – потянул он девушку во внутрь. – Здесь ширина не меньше трёх метров, а высота все пять! Если бы не бы-

ло нашего бунгало, мы бы здесь устроили дом. Пространство огромное, можно было разделить его на две части, приладить дверь. Кора такая толстая, что прекрасно держит тепло.

Виктория стояла в середине дупла, которое было больше той комнаты, где она проснулась, ноги её по щиколотку утопали в мягкой, тёплой белой пыли – бывшей сердцевине дерева. Она вдруг вспомнила, как маленькой девочкой, вместе с братом и его друзьями, лазила в университетский ботанический сад, как ходили они, разглядывая кусты и деревья... Она глянула на Тони, который ощупывал кору, продолжая что-то весело говорить, и в эту минуту ей показалось, что этот мужчина такой же родной и близкий, как её брат, такой же надёжный...

Они пошли дальше, сначала по густой траве открытой прерии, но почти сразу вошли под сень деревьев. Здесь были дубы, клёны, другие, незнакомые Виктории породы. Но их знал Тони, сказал, что это магнолии, кусты тамаринда и мирты. Попались им даже яблони, усыпанные мелкими красными плодами. Они оба сорвали по яблочку, надкусили.

– А что, – похвалила Тори. – Терпкие, но сладкие.

– Вполне съедобные, – согласился он. – Это хорошо, витаминами мы обеспечены.

В тени деревьев веяло успокоительной свежестью, и это было так приятно, потому что солнце уже ощутимо палило. А вскоре Виктория заметила, что воздух стал ещё сильнее насыщен влажностью. Почва под ногами казалась бо-

лее сырой, мягкой. И скоро вместо больших деревьев появились тростники громадной величины и болотные растения. На некоторых из них расцветали красивые пурпурные цветы. Среди них весело порхали разноцветные миниатюрные птички: ярко-зелёные с красными головками и шейками, пурпурные с лазурью, алые с белым!

– Словно летающие радужные пятна! – воскликнула она. – Это колибри?

– А кто ж ещё!

Они недолго отдохнули, любуясь ими, потом пошли дальше. Земля была уже вся насыщена водой, деревья попадались всё реже, и вскоре девушка и мужчина вышли на край озера. Оно сплошь поросло широкими листьями, а по ним важно разгуливали болотные птицы. Тони присел на поваленный ствол дерева, Тори примостилась рядом.

– И правда, здесь так хорошо! – Она глубоко дышала, взволнованно оглядывая всё вокруг. – Особенно если приехать сюда просто отдохнуть.

– А давай мы когда-нибудь так и сделаем: приедем сюда просто отдохнуть!

Он сказал это с улыбкой, но как-то особенно серьёзно. Виктория тоже улыбнулась в ответ. Немного помолчав, вдруг спросила:

– Послушай, я помню всё обрывочно. Сначала мы были на скале, потом я очнулась кажется в пещере, а потом – уже здесь, в бунгало. Ты что, всё время нёс меня?

— Ну да, — Тони пожал плечами. — А что тебя удивляет?

— Значит, сначала тащил вниз, в пещеру, потом вглубь острова... А я не такая уж лёгкая. — Она встала, словно демонстрируя. — Во мне метр семьдесят два роста, пятьдесят шесть килограммов веса.

— А я не такой слабак. — Он тоже встал перед ней. — Во мне метр восемьдесят четыре, и я постоянно занимаюсь спортом.

Только теперь Виктория по-настоящему разглядела Энтона. Причём разглядывала не стесняясь, ведь он сам это ей предложил! И правда, он строен, сложен атлетически. Простое открытое лицо с ямочками на щеках, когда улыбается, с прямым коротким носом и бровями вразлёт. Волосы такие же тёмные, как и брови, густые, волнистые, красиво оттеняющие высокий лоб. Тронул рукой подбородок, спросил, изображая смущение:

— Щетина не смущает? Вот, отросла немного. А бритвенного прибора здесь не предусмотрели. Можно, конечно, и ножом, но я давно хотел бороду отрастить, как раз случай подвернулся.

Потом он сбросил рубаху, согнул руки в локтях, играя мускулами и картинно поворачиваясь то в одну, то в другую стороны. Не выдержал, засмеялся так заразительно, что Тори в ответ просто залилась смехом. И почувствовала, что наконец отпустило то напряжение, которое всё время их похода по острову держало её в тисках. Она и в самом деле получала наслаждение. От ветерка, обдувающего кожу, от голово-

кружительно насыщенного ароматами воздуха, от цветущих кустарников и деревьев, многие из которых были ей незнакомы, от птичек, больше похожих на мотыльков... Внешне она была счастлива, радостно возбуждена. Однако это была лишь видимая реакция. Её настоящее сознание плавало в сером непроницаемом тумане, и девушка всё время, не отдавая себе отчёта, не фиксируя, думала... Здесь она не для того, чтоб любоваться! Страшная трагедия забросила её сюда! Океан, обломки тонущего самолёта, плавающие тела людей!.. Всё это так угнетало Викторию! Она старалась подавить воспоминания, но эти картинки вновь и вновь, словно со дна океана, выплывали... А ещё она постоянно помнила об Олафе. О том, что Олаф говорил ей: где-то есть остров, на котором целое поселение людей-рабов выращивают и производят наркотики, а убийцы и террористы управляют ими... И ведь самолёт Олаф повернул в эту сторону, они летели в этом направлении! Так может это страшное бандитское гнездо совсем недалеко?

А ещё Виктория всё время думала об их одиноком бунгало с запасом продуктов. Кто его здесь построил, для чего, для кого? Хорошо если туристы, как предполагает Тони. А если... У неё сжималось сердце от подобной догадки, но эти мысли возвращались вновь и вновь. Что, если здесь промежуточная база тех людей?

Нет, она не думала, что Олаф мог спастись. Понимала, что спасение её и Тони – невероятный, неповторимый случай,

настоящее чудо. Но, с другой стороны... Они ведь с Олафом одни были в переднем салоне, все остальные находились сзади, в хвосте, и, конечно, в первую очередь они погибли. А вот она спаслась. А Олаф? Он был там же, в переднем... А вдруг? Такие, как он, прошедшие множество опасностей, умеют выживать в невероятных ситуациях! И он знает эти места!

Нет, она отгоняла эти мысли, заставляя себя особенно восхищаться всем увиденным. В какой-то момент сама почувствовала: в её восторженных возгласах пробиваются исторические нотки. Тони это тоже заметил. Она поймала его участливый взгляд, и почти сразу он сказал:

– Дорогая мисс, простите меня! Вместо того, чтоб предложить вам обед в Хилтоне, я потащил вас осматривать местные достопримечательности!.. Правда, Тори, ты только пришла в себя, ещё так слаба, а я устроил прогулку! Возвращаемся, буду кормить тебя.

– Но мне хотелось выйти к океану!

– Успеем. Островок наш хоть и невелик, но за один раз обойти его трудно. У нас ещё будет время.

– Думаешь, нас найдут ещё не скоро?

Виктория как-то сразу почувствовала, что и правда слаба, устала, угнетена. Но Тони крепко взял её за руку, решительно повёл в обратную сторону. Приказал:

– Выбрось эти мысли из головы! Нас могут найти уже сегодня. Тогда мы осмотрим остров как настоящие туристы,

прежде чем его покинем.

Вечером они разожгли костёр и жарили на прутиках рыбу. Днём Тони кормил девушку маисовой кашей, галетами, поил крепким чаем, в который накапал рому. Потом, когда она задремала, набираясь сил, он наладил удочку, сходил к бурлящим порогам и вернулся с уловом. Сам почистил рыбу, сам соорудил рыбный шашлык. Виктория хотела, чтобы костёр горел на берегу, но Тони резонно рассудил:

– Если поиски начались и продолжаются круглосуточно, то ночью будут летать самолёты или вертолёты. Оттуда, сверху, костёр заметят в любой точке острова.

Виктория поначалу прислушивалась, поглядывая в небо, но тщетно. Но потом отвлеклась, забыла... Вечер и ночь были такими чудесными! Тёплые волны воздуха накатывали на них, неся запахи цветов, пряных трав, океана. Океан вообще не давал о себе забыть постоянным ровным рокотом. Совершенно не было moskitov, комаров. Но несколько раз близко пролетали какие-то крупные птицы – стремительные, резко меняющие направление. Нет, не птицы!

– Летучие мыши, – догадалась Виктория.

– Точно, – подтвердил Тони. – Они называются десмодами. Настоящие вампиры – пьют кровь животных.

– На нас тоже могут напасть?

– Нет, побоятся. Мы для них слишком крупны. И потом они предпочитают не активных, а спящих животных. Причём, так ловко высасывают кровь, что те даже не просыпа-

ются. Это потому, что в слюне у них есть анестезирующие компоненты: и обезболивает, и усыпляет.

И тут же приложил палец к губам:

– Тише! Смотри!

Совсем недалеко, не обращая внимание на костёр, прошествовало животное. Размером с большую собаку, но настолько меланхолично-добродушного вида, что девушка не испугалась. Она видела его только на рисунках и в фильмах, но вытянутый вперёд и книзу силуэт с мощными лапами, тонким длинным хвостом и острой мордой показался ей знаком.

– Это муравьед? – прошептала она.

– Он самый. Четырёхпалый тамандуа. Как раз по ночам выходит на промысел.

– Послушай, – ей впервые пришла в голову эта мысль. – Тут ведь могут быть и хищники!

– Теоретически да. Пума, например, или кинкажу.

– Как ты сказал? «Кинкажу»? Я не знаю такого зверя. Тоже дикая кошка?

– Нет, – Тони улыбнулся. – Это очень милый зверёк, по-другому называется цепкохвостый медведь. Я назвал его хищником, но для нас он не опасен. Ужасный симпатяга: размером с небольшую кошку, пушистый, рыже-бурый, живёт на деревьях, цепляется хвостом за ветки и перепрыгивает.

– Как обезьяна?

– Очень похоже. С первого взгляда его и можно принять за обезьяну. Но он из семейства енотовых – запах такой же

резкий, как от них от всех.

– Почему же тогда «медведь»?

– А у него мордочка похожа: круглая, симпатичная, с круглыми ушками, большими глазами. И мёд очень любит. А ещё – нектар и фрукты. Правда, лягушек и мышек, если поймает, тоже ест. Потому и хищником считается.

– Ой, как бы я хотела увидеть этого кинкажу!

Виктория даже захлопала в ладоши. Но Тони покачал головой.

– Это ночной звёрек, днём отсыпается в дуплах. Люди редко видят его на воле. И потом, его может здесь и не быть. Как и пумы. Это не обязательно, если их не завезли сюда с материка. А вот змеи есть наверняка, надо быть осторожней.

Виктория склонила голову, долго внимательно смотрела в лицо Тони, освещённое бликами костра. Он крутил на деревянных распорках прутик, поджаривая очередную рыбку, казался безмятежным и простодушным.

– Ты географ? Или биолог?

– Вовсе нет.

– Ну тогда мне приходит в голову только две вещи. Ты или шпион, или уникум с энциклопедическими знаниями. Кто же?

Он засмеялся, помахал в воздухе прутиком, остужая, протянул ей.

– Я и то, и другое, и многое ещё чего... Просто я работаю в одном солидном исследовательском институте, занимаюсь сбором самых разных статистических данных. А это как раз

и значит, что знаю всё обо всём. Впрочем, довольно поверхностно.

– Скажи тогда, а много в этих местах островов?

– Довольно много.

– Есть большие, где люди живут? Я имею ввиду не Гаити или Кубу, а так... небольшие поселения.

– Есть, конечно. Впрочем, и на нашем острове вполне мог бы быть посёлок, где люди что-то бы выращивали, рыбу ловили. А почему ты спрашиваешь?

– Так, интересно...

– Понимаю тебя. Думаешь: откуда придёт наше спасение?

– Я, честно говоря, больше надеюсь на второй самолёт. Там сообщат координаты столкновения, время... Правда, ничего не знают, а значит и не скажут, о террористах.

Тони наклонился к ней, близко заглянул в лицо.

– О каких террористах?

У Виктории на мгновение остановилось сердце, потом быстро-быстро зачастило. Она ещё не поняла, в чём дело, но сильно закружилась голова.

– Почему ты спрашиваешь? – Голос у неё тоже дрогнул – Ты же видел их!

Тони откинулся назад, грустно покачал головой.

– Нет, Тори. В том-то и дело, что нет! Я, видишь ли, летел из Дакара в Нью-Йорк. Ты поняла? Я летел не в твоём самолёте. В другом. Увы, он тоже разбился.

Виктория испытала настоящее потрясение. Почему ей не

приходило подобное в голову? Наверное, пережить одну авиакатастрофу – невероятно тяжело для человеческого разума. А уж представить одновременно две!.. Впрочем, через некоторое время она пришла в себя. Но теперь ещё более странным показалось ей всё происшедшее.

– Получается, что ты тоже один единственный спасся? Из всего твоего самолёта?

Она сидела, обхватив себя за плечи: её всё ещё трясло от шока. Энтони спросил озабоченно:

– Не вернулся ли твой жар? Ты ещё так слаба! Разреши, я обниму тебя.

И, не дожидаясь её ответа, придвинулся, обхватил за плечи. Потом ответил:

– Конечно, ручаться на сто процентов не могу, так хочется надеяться, что кто-то ещё остался жив... Но, похоже, что ты – одна, и я – один.

– А как, как всё произошло у вас?

– Даже не знаю толком. Я спал, как и все в салоне. Я, знаешь ли, часто летаю, привык, всегда сплю спокойно, крепко. А тут проснулся, пить захотелось. Не стал вызовом тревожить стюардесс, сам пошёл вперёд, к кабине, чтобы воду взять. Вот тут... да, как раз тогда самолёт первый раз сильно тряхнуло, потом резко бросило вправо и вниз... Теперь я понимаю: делался невероятный вираж, чтобы уйти от столкновения. Но не получилось. Первый удар, скрежет, как будто всё рвётся, лопается!.. Люди стали падать или повисать на

ремнях, закричали... Вот ты спросила, и, оказывается, я всё помню!

– А дальше? Что ты сделал?

– Надо же, я и это помню! Я подумал: «Падаем в океан, есть шанс спастись. Нужно пробраться к аварийному люку...»

– Ты знал, где он? И как открывается?

– Да, знал. И, похоже, сумел открыть. Но это я уже помню очень смутно. Пришёл в себя в воде, пытался кого-нибудь спасти, но живых не было... Потом какой-то обломок для опоры прихватил, сориентировался и поплыл. А через время увидел впереди ещё плывущего человека. Тебя...

Они помолчали, и теперь уже Виктория почувствовала, что Энтони мелко дрожит. Да уж, после таких воспоминаний!.. Она инстинктивно крепче прижалась к нему – подбодрить, успокоить. Он понял, тихонько благодарно погладил плечо девушки. Попросил осторожно:

– А теперь ты расскажи. Значит, твой самолёт был захвачен? Чего они хотели, эти террористы? И какие они из себя?

– Они хотели самолёт... куда-то угнать. Нам не сказали. Сначала заставили сидеть на местах, а потом решили согнать в соседний салон. Я задержалась... кеды обувала. А тут мы и столкнулись с твоим самолётом – я даже успела увидеть его в иллюминатор. Страшно! Но я схватила спасательный жилет, машинально.

– У тебя отличная реакция! И плаваешь ты очень хорошо.

– А я занималась плаванием, профессионально.

– Вот тебе и пригодилось, правда очень неожиданно... А террористы? Что за люди? Опиши?

– Разные... Я видела трёх. Один вроде индеец, другой испанец или португалец. А, может, латиноамериканец...

Она запнулась, замолчала. Тони спросил:

– А третий?

– Он был белый. Я имею ввиду – европеец. Скандинавского типа. Смуглый, но волосы очень светлые и глаза светлые. Красивый...

– А возраст его?

Голос у Тони стал очень заинтересованный. Виктория вспомнила лицо Олафа и только сейчас поняла, что тот был не слишком молод.

– Лет сорок, – ответила нерешительно, – кажется...

– Свен! – Энтони даже пристукнул кулаком о ладонь. – Вот дьявол!

От мысли, что Энтони, похоже, узнал по её описанию Олафа, что знает его, Виктория задрожала. Ей стало тревожно и ещё больше захотелось скрыть своё более близкое знакомство с террористом. Она ведь с самого начала решила, что не скажет Тони о разговоре наедине с Олафом. Вдруг он подумает, что она сообщница угонщиков! Но это же тревожное любопытство заставило спросить:

– Как ты сказал? Свен? Кто это?

– Террорист из одной международной организации. Не та-

кой известный, как Бен Ладен или Карлос, но всё-таки.

– А как называется организация?

Тони слегка задумался, припоминая:

– Кажется, «Парабеллум».

– «Готовсь к войне», – машинально перевела Виктория.

– Точно! Об этой организации писали в прессе, были телепередачи. Ты не видела?

– Нет, – она медленно покачала головой. – У нас, наверное, не показывали.

– Судя по твоему описанию, это он: наполовину датчанин, наполовину немец. Вот, значит, как, он угонял самолёт! Интересно, куда? Впрочем, откуда тебе знать. Ладно, Тори, напрасно я этот разговор начал, тебя всю колотит! Пойдём, спать пора, уже ночь.

Виктория вдруг вспомнила любимую с детства книгу. Столько раз перечитывала её, сначала на русском, а потом – на языке оригинала! Но даже и не представляла никогда, что может сама оказаться, как её герой. И вот – первая ночь на необитаемом острове!

– «Когда наступила ночь, я с замиранием сердца спрашивал себя», – начала цитировать она по-английски.

– «...что меня ожидает...», – неожиданно закончил фразу Энтони.

И они уставились друг на друга совершенно ошеломлённые. Глаза их необыкновенно блестели, то ли отражая блики низких южных звёзд, то ли искры костра...

Глава 8

Остров, доставшийся им на двоих, был прекрасен. Времени понять это оказалось предостаточно.

Через два дня после того, как она очнулась, Виктория пережила нервный срыв – истерические рыдания, сменившиеся настоящим ступором. Уж очень сильно она ждала спасения: каждую минуту! И ведь сложа руки они не сидели. На одной из вершин, достаточно плоской, очистили полянку от кустарника, натащили туда с берега крупных камней и выложили знак «SOS». Тони сказал, что с самолёта, летящего низко, – а поисковые именно так и летают, – или с вертолёта эта надпись отлично видна. На берегу, в самой большой и открытой лагуне, соорудили что-то вроде мачты, прицепив на неё яркое, оранжево-чёрное, полотенце из бунгало... Но в небе царила безоблачность и безмятежная тишина, океан тоже был пуст и благодушно спокоен. Рыдая, Виктория повторяла: «Никто о нас не знает! Никто не ищет! Это же Бермудский треугольник!»

Энтони не трогал, не успокаивал её. Когда же девушка обессилила и замолчала, словно онемела, он напоил её, почти насильно, хорошей порцией рома. Она надолго уснула, но, придя в себя, замкнулась, не разговаривала. Однако не отказалась пойти с ним ловить рыбу.

Он привёл её к бурлящему на каменистом мелководье ру-

чью недалеко от лагуны.

– Я здесь брал ту рыбку, что мы ели, на удочку, но хочу попробовать половить руками. Давай со мной!

Следом за Тони, оставшимся в плавках, разделась и Виктория. Он ведь уже видел её в трусиках и топике, а другого «купальника» не было. Они вошли в воду выше пояса. Прогретый солнцем, но приятно прохладный ручей словно кипел вокруг их тел, щекотал кожу.

– Похоже на водный массаж-спа, – произнесла девушка.

И Энтони быстро глянул на неё, неувовимо улыбнувшись: она приходила в себя, оттаивала.

Они стали нащупывать под валунами выбоины, норки, запускать поглубже в них руки. Когда Виктория первый раз коснулась чешуйчатого, извивающегося тельца рыбы, она отпрянула с испуганно-восторженным возгласом. Но потом быстро научилась, нащупав, перехватывать рыбу за жабры, крепко стискивать и тащить.

– Смотри, какая огромная! – каждый раз восхищалась она. Но точно так же радовалась и его удаче.

Когда, с хорошим уловом, они возвращались к бунгалю, Виктория уже полностью забыла о своей депрессии. Смеялась, прыгала, вспоминала, как самая большая рыба у неё вырвалась, но она таки успела схватить её за хвост!..

Они сразу обработали рыбу: почистили, выпотрошили, помыли, положили внутрь можжевельные веточки и листья – Энтони, оказывается, приготовил их заранее. Потом посоли-

ли рыбу сверху, завернули в пальмовые листья. Пока всё это делали, вновь обменялись цитатами из «Робинзона Крузо». С того момента, когда они поняли, что оба любят и почти наизусть знают эту книгу, они постоянно это делали. Причём, никогда не ошибались.

– У меня мало одежды, и скоро мне нечем будет прикрыть свою наготу, – восклицала она.

– Но климат здесь жаркий и можно обойтись без одежды, – тут же отвечал он.

И заливались смехом, потому что оба они цитировали дневник Робинзона, разделы: «плохо» и «хорошо».

Виктория иногда не помнила дословно цитату по-английски, а переводила с русского, и попадала почти точно. Оба не переставали удивляться: надо же, жили в разных концах света, в таких разных странах, а вот же – одна и та же любимая книга! Но особенно поражался Энтони.

– Ну хорошо, – говорил он, – я англичанин, мне естественно любить английского писателя. К тому же у меня в роду были мореплаватели. А ты, русская девочка – и Даниэль Дефо!

– Между прочим, – ответила тогда ему Вика, – Мы, бывшие советские, чтоб ты знал – самая читающая в мире нация! И после своей, русской, больше всего любим именно английскую классику. А лично я с детства увлекалась приключениями. К Робинзону, конечно, особая любовь, но я и Стивенсона читала-перечитывала, и Майн Рида, и Фенимо-

ра Купера, и Жюля Верна. А мореплаватели и в моём роду были.

И сейчас, укладывая приготовленную к хранению рыбу в вырытую яму-холодильник, Виктория сказала:

– Здорово, что ты многое знаешь и умеешь. Но и я кое-что помню из своих любимых книг. Наверное, если бы не оказалось здесь бунгало и запаса продуктов, мы бы с тобой всё равно не пропали.

– Я тоже так думаю. Как добыть огонь знаю: из кремня, трением...

– А есть ещё способы Паганеля, Сайруса Смита! Помнишь?

– Отлично помню. Дом, как я говорил, можно было бы сделать в секвойе. Можно было бы устроить ночлег и на улице: провести две параллельные линии, соединить их с одного конца виде буквы U, по контуру воткнуть толстые ветки...

– Да, да, вроде частокола! И оплести их лианами. У изголовья положить мягкие ветки, мох...

Они весело ударили друг друга ладонь о ладонь – знак солидарности.

– Молодец, – сказал Тони. – Вижу, что тоже знаешь. А вот как бы ты сделала «одеяло».

– Ну-у, – она замялась, – больших пальмовых листьев можно было нарвать.

– Есть способ получше. Нарезать с десятков тонких, в свой рост, прутьев, оплести их ветками или, лучше, жёсткой тра-

вой, концы связать... Сам я не пробовал, но думаю, было бы удобно и тепло.

– Зато я знаю вот что! – У Виктории глаза уже горели азартом. – Если бы кто-то из нас был ранен, вместо бинтов мы бы нащипали тонкие полоски коры хвойного дерева! Оно бактерицидное и его смолистый сок тоже лечебный.

– Отлично! А что бы мы ели?

– Не проблема! Над скалами много птиц летает, наверняка есть гнёзда с яйцами. Рыбу вот. Фрукты, мясо змей – я бы не побрезговала!

– Кстати, надо попробовать! А ещё я сегодня надавлю лимонного сока вон с того дерева... А из чего бы мы ели?

– Большие раковины – тарелки, маленькие – ложки. Пить можно было бы из пальмовых листьев. Да мало ли тут подручного материала для умелых рук!

– Верно, остров у нас хороший.

– Жить можно, – согласилась Виктория.

Энтони быстро глянул на неё, но тут же успокоился. Голос у неё прозвучал грустно, но спокойно, даже с какими-то философскими нотками. Кризис, похоже, миновал, девушка ещё не осознанно, но уже готовилась, подсознательно соглашалась с тем, что придётся здесь жить дольше, чем надеялось...

Работа была окончена, и они пошли гулять. У них уже появились любимые маршруты. Например, на Каймановый островок. Они сами дали ему такое название, но не потому,

что там водились крокодилы, а потому, что там было много каймановых черепах.

По пути к этому островку они прошли центральную часть своего острова. Она была возвышена, но не сильно, покрыта деревьями. Молодые люди пересекали рощицы, где, к восторгу Виктории, причудливо соседствовали клёны и магнолии, дикие яблони, сосны и кусты тамаринда, мирты. Ниже, вдоль берега, тянулась прерия вперемешку с песчаными отмелями, скалами. В берег вдавались несколько маленьких заливов и бухт.

Вскоре они спустились ниже, вышли к болоту, покрытому колышущейся меч-травой. Как раз там, на болоте, и находился чудесный островок, поросший деревьями. По уже проложенной тропинке они прошли на него, и Виктория тут же подобрала несколько черепах, стала играть с ними на песке. А совсем рядом, на мелководье, гордо расхаживали красивые птицы, похожие силуэтом на фламинго. У них были чёрные головы с огромными тяжёлыми клювами, белые тела, длинные лапы с розовыми пальцами-когтями. Конечно же, Энтони знал, что они называются молочными клювачами. Он пошёл проверить, нет ли поблизости гнёзд с яйцами. Но скоро вернулся:

– Сейчас у этих красавцев, видимо, не брачный период, – пошутил, растягиваясь на песочке рядом с девушкой. – Но мы можем сварить черепаховый суп.

– Нет, – замотала она головой. – Не хочу! Мы ведь не

голодаем, а черепашки такие чудесные. Смотри, у них на панцирях разводы интересные: словно неведомые письмена. Какого-нибудь древнего языка... Шумерского, ацтеков или майя...

Она замолчала, вдруг вспомнив, как сказала в самолёте Олафу о языке навахо. И спросила:

– Тони, ты ведь всё на свете знаешь... А о языке индейцев племени навахо? Вижу, знаешь и это! Расскажи. Мне когда-то рассказывал брат. Но это было давно, я маленькая была, не очень запомнила, только то, что его использовали как нечто секретное.

– Это в самом деле интересная история... Племя и сейчас существует – живут в штатах Аризона и Юта. Их язык не похож ни на какой другой. Очень сложная система звуков, живописные иносказания и тонкости произношения. Самое маленькое различие в ударении – и это уже другое совсем слово. Например, для определения «ветра» у навахо существует около тридцати названий.

– Здорово! Но там что-то с войной было связано, с шифрами.

– Точно. Когда Соединённые Штаты начали войну с Японией, язык навахо стал использоваться вместо шифровального кода. Причём, этот радиокod навахо сами создали на основе своего языка. Очень сложный! И понимали его только они сами. В армии, в каждом подразделении, был свой индеец-навахо, который передавал, принимал сообщения, и

расшифровывал их. Понятно, что такой шифр ни один враг не мог распознать. Но каждого такого навахо охраняли особенно тщательно. Было совершенно официальное указание высшего командования: ни в коем случае не допустить, чтобы шифровальщик попал в плен. Если такая угроза возникнет – убить его.

– А сами они, сами навахо, знали об этом?

– Думаю, знали, – пожал плечами Энтони. – Но о случаях убийства мне ничего не известно.

Энтони ещё что-то рассказывал о японцах-камикадзе, но Виктория уже почти не слушала. Лежала на спине, запрокинув голову на согнутые руки, глядя сквозь листву в ярко-голубое, пронизанное солнцем небо. Вспоминала... Ведь тогда, в самолёте, перед самым столкновением, она подумала: может, и в самом деле остаться с красавчиком-террористом? Стать его любовницей и боевой подругой, зажить совсем другой жизнью – полной приключений... Был миг, когда она подумала об этом совершенно серьёзно. И готова была сказать себе «Да»... И почти сразу – темнота, удар, падение!.. Только сейчас до неё дошло: это и был ответ на её сомнения! Катастрофа – это и есть ответ: жестокое «Нет!» А, может даже, и наказание ей за подобное допущение! Божье наказание...

Виктория резко поднялась, села. То, что она сейчас подумала, было как откровение. И девушке, может быть впервые в жизни, захотелось прочесть молитву. Обратиться к Госпо-

ду... С просьбой? С благодарностью? Но в это время Тони схватил её за руку, воскликнул полушёпотом:

– Смотри, смотри!..

У самого берега, по воде, бежало невероятное существо. Оно несло в облаке брызг, подняв вертикально небольшое чешуйчатое тельце, на задних длинных и сильных лапах, молотя по воде длинными пальцами. Передние лапки, словно ручки, держало перед собой, так же на весу «летел» за ним и длинный хвост. Большеглазая мордочка его была невероятно симпатична, череп удлинялся костистым гребнем.

– Инопланетянин! – не удержалась, воскликнула Тори.

И в самом деле: в разных документальных фильмах о НЛО ей приходилось видеть очень похожие изображения пришельцев: большеголовых, с вытянутыми черепами, большими глазами, маленьких и худеньких...

– И правда, можно ошибиться, – согласился Тони. – Но, увы, это вполне земная ящерица.

– Как называется? – быстро спросила Тори, словно хотела подловить его.

И он так же быстро, словно прилежный ученик, ответил:

– Шлемоносный василиск! Ловко бегают на задних ногах по суше, может, как видишь, и по воде. Особенно если от кого-то удирает. О, так и есть!

Они увидели, как василиск вдруг нырнул и исчез под водой, а к озерцу, откуда-то сверху, спикировала большая хищная птица, стала кружить...

– Не найдёт, – успокоил девушку Тони. – Этот инопланетянин минуты две-три может оставаться под водой!

На обратном пути Тони предложил проверить, не попала ли им на ужин дичь.

– В «силки», – произнёс он по-русски. И улыбнулся Виктории. – Видишь, я запомнил.

Дичь попала: в сетке, не двигаясь, испуганно сидел крупный грызун типа морской свинки.

– Ой, давай отпустим! – воскликнула девушка жалостливо.

Но её спутник на этот раз решительно покачал головой.

– Нет. Нам, особенно тебе, нужен горячий бульон и свежее мясо. Ты иди вперёд, домой. Я задержусь, всё сам сделаю...

Вечером они и в самом деле ели очень вкусный наваристый суп с кусочками нежного мяса. Тори наворачивала его без всяких комплексов, похвалила:

– Ну, Энтони, ты просто клад! Всё умеешь и знаешь! Даже поварское искусство. Повезёт же какой-нибудь девушке с таким мужем!

– Подумай об этом серьёзно, – произнёс Тони спокойно, словно между прочим, на минутку приостановив движение ложки ко рту.

Потом, сделав глоток, поднял взгляд на Викторию. И она вдруг смутилась – так пристально и пытливо смотрел он на неё... И тут же, наверное чтобы разрядить обстановку, он спросил:

– Ты несколько раз упоминала своего брата. Я так понял, что он старше тебя и живёт в Штатах. А кто он по профессии?

– Медик. Но это в прошлом. Там, в Америке, он стал скульптором... Боже мой, увижу ли я его!

Перед сном, оставшись одна в своей комнате в бунгало, Виктория подошла к окну. Москитная сетка, тонкая, как марля, ничего не скрывала: ни тёплого дыхания южной ночи, ни звуков, ни силуэтов деревьев, залитых лунным сиянием. Вспыхивали и гасли зеленовато-жемчужные светлячки. «Словно огоньки лампад» – подумала Виктория. Закрыла глаза, представила икону Спаса Нерукотворного, лик Иисуса Христа с печальным, требовательным взглядом... Трижды перекрестилась и стала тихонько, почти неслышно читать молитву «Отче наш».

Собственно, только её Виктория и знала наизусть. Она до конца не была уверена – верующий она человек или нет. Крещённая, православная – это да. Но истинная, убеждённая вера – это совсем другое. Виктории очень хотелось верить: она ходила в церковь – изредка, но всё же ходила, – один раз даже прошла, в дни Великого поста перед Пасхой, обряд маслособорования. Но от себя не скрывала: есть у неё сомнения, есть вопросы без ответов. Это и понятно: родилась ведь и росла она, как и многие её ровесники, в семье советских атеистов. Ни Сергея, ни Вику родители не крестили. Не потому, что это запрещалось – кто хотел, делал. Просто счи-

тали этот обряд бессмысленным. Но наступили иные времена, зазвучали иные песни. В том числе – и церковные песнопения. По телевидению стали транслировать торжественные службы из главных соборов страны, и вдруг оказалось, что многие известные люди – артисты, писатели, политики, – верующие. Их лица мелькали с экранов, когда они истово крестились или прикладывались к образам. Отец скептически кривил губы, восклицая:

– О, ещё один! Помню я его разоблачительные статьи в журнале «Научный атеизм». Оказывается, это он маскировался! Очень, надо сказать, удачно и убедительно...

В какой-то степени отец был прав: среди тех, кто ринулись в храмы, были и конъюктуришки, и притворщики, и данники моды. Но постепенно происходили перемены даже в самых непримиримых умах. Родители перестали считать себя воинствующими атеистами. Однажды отец задумчиво процитировал слова Луи Пастера о том, что чем глубже он проникает в мир микробиологии, тем сильнее чувствует во всём присутствие Бога...

Сергей, перед самым поступлением в институт, крестился. Он это сделал вместе со своим школьным товарищем, отец этого мальчика и стал Сергеем крёстным. Родителей он поставил в известность уже о факте свершившемся.

– Ну что ж, – пожал плечами отец, – это твоё решение.

– Наверное, надо тебя поздравить, сынок, – сказала мама и обняла его.

Семилетняя же Вика вцепилась в родителей мёртвой хваткой:

– Серёжа крестился! И я хочу! Крестите меня скорее!

Она была так настойчива, что родители пошли в ближайшую церковь Усекновения главы Иоанна Крестителя, всё узнали, и через две недели девочка также была крещена.

Честно говоря, она не часто и не серьезно задумывалась о вере. И только здесь, на острове, поняла: то, что с ней произошло – настоящее чудо! Не совпадение, не удача, не везение... Чудо и откровение, которое она ещё должна понять... Она стояла, глядя в сияющую ночь и, больше не зная других молитв, неумело, своими словами благодарила Спасителя.

Потом она легла спать и, почти мгновенно засыпая, почему-то подумала: «А Тони, наверное, протестант...»

Глава 9

Утром Вику разбудил щебет зелёно-бронзовых попугайчиков. Их на острове было множество, и сейчас они облепили ближайшие деревья, то почти сливаясь с листвой, то вдруг вспархивая стайками. И стрекотали неумолкая.

«Как воробы!» – подумала девушка, вспомнив большие тополя напротив окон своей квартиры: там летними утрами также собирались стайки неугомонных чирикающих серёнок птиц. Ностальгическое воспоминание почему-то не навеяло на неё грусть, и через минуту она даже задумалась: «Почему?» Утро, конечно, прекрасное, вид из окна – сказочный, рокот океана умиротворяющий, медлительный... Но нет, не это... Не только это... Да, Тони! Конечно Тони...

Она улыбнулась, подумав, что ей так легко, радостно. Да она просто счастлива, несмотря на все обстоятельства! Но ведь она не влюблена в Тони – Виктория совершенно отчётливо это осознавала. Ей ли не знать состояние влюблённости! Она была ужасно влюбчивой. Поначалу, лет в восемнадцать, когда поняла это, даже испугалась. Ведь влюблялась просто мгновенно, с первого взгляда, первой переброшенной фразы, первой ответной улыбки... Но очень скоро выяснилось и другое: так же быстро Вика и разочаровывалась в своих кавалерах. Это внесло успокоение и гармонию в её душу. И всё же она знала, что испытывает при влюблённости.

Лихорадочное возбуждение – приливы восторга и тревоги, умиления и отчаяния. Постоянные мысли о «нём» не дают толком заниматься делом, всё время ждёшь: вот-вот он позвонит или придёт, совершенно невозможно ничего планировать. И диалог – нескончаемый мысленный диалог с ним... Может быть, у других девчонок всё по-другому, но у неё каждый раз происходило именно так. Хорошо, что это ненормальное состояние тянулось, обычно, не долго...

О Тони она не думала постоянно. Засыпая, уходила мыслями к родителям, к брату, к погибшему самолёту и людям. Просыпаясь, сразу окуналась в звуки, в природу – вот так, как сейчас. Всё остальное время Тони был рядом, но так же рядом был океан, деревья, птицы, солнце, песок... Она и спутника своего воспринимала, как неотъемлемую часть острова. Неотъемлемую, но всё-таки главную: с ним было спокойно, надёжно, светло. Именно с ним ассоциировалась вера в спасение. Ещё в один из первых дней она подумала о Тони, как о брате. Да, чувство было похожее... И всё же не совсем такое. Когда Виктория поворачивала голову, видела взгляд молодого человека, его весёлую улыбку, когда они перебрасывались фразами, понимая друг друга с полуслова – у неё в груди – а, может быть, в сердце? – загорался огонёк, который так приятно грел... Такого ощущения она не знала раньше.

Но где же он? И опять, как в то утро, когда она только очнулась, вышла на веранду и подумала о своём спутнике –

и теперь он тут же появился. Пересекал поляну, направляясь к бунгалу и неся что-то, завернутое в листья. Наверняка что-то к завтраку: дичь, или рыбу, или фрукты... Добытчик! Кормилец!

Виктория поймала себя на том, что подумала так с иронией. И ей вдруг стало стыдно перед собой. Энтони ведь в самом деле её кормилец. И спаситель, и доктор, и гид... Разве не благодарила она вечером Иисуса Христа за чудо, происшедшее с ней? А появление Тони – это ли не чудо, не милость Божья! Да, она уцелела в катастрофе, но сумела ли выплыть сама к этому острову? Скорее всего, плыла бы вглубь океана, пока не выбилась бы из сил... И здесь – разве не чувствует она себя защищённой, спокойной и даже счастливой? А всё оттого, что рядом оказался этот парень. Скорее, надо выйти ему навстречу, улыбнуться, сказать приятное...

Тони принёс восемь штук яиц – меньше куриных, но и не таких маленьких, как рябые перепелиные.

– Не так уж высоко пришлось за ними забираться, – сказал весело. – Как раз на яичницу нам хватит.

– Пожалуйста, возьми меня следующий раз с собой, не пожалей, разбуди! – попросила девушка. – Я ведь лазила по горам с альпинистами! Тоже, как ты говоришь, не высоко, но по настоящим горам.

– Да ты просто клад, всё умеешь, – улыбнулся Тони. – Повезёт же какому-нибудь парню!

Виктория засмеялась: он поддразнивал её, повторяя ска-

занные ею слова. Ей захотелось ответить ему так же, как он ей: «Подумай об этом серьёзно», но вдруг стало неловко. И она сказала другое:

– Вот только я большая соня, или, как у нас говорят – «сова». То есть, поздно встаю. А ты, судя по всему, «жаворонок». Откуда такая привычка рано просыпаться?

– Всё объясняется просто: я оканчивал военное училище. А это значит – подъём в пять тридцать утра, интенсивный темп, дисциплина... Как видишь, в жизни пригодилось...

Они решили пойти к океану, искупаться. Впервые за всё время. Нет, к побережью они выходили не раз, но океан всегда был спокоен. Шли широкие большие волны, то поднимая пенные гребни, то обнажая дно, а когда приближались к берегу, швырялись увесистыми камнями. А иногда они попадали на прилив, и тогда зрелище открывалось ещё грандиознее и грознее. Волна из океана сталкивалась со встречной, от берега, поднималась огромным валом и с грохотом обрушивалась на прибрежный песок! В такие моменты множество птиц, похожих одновременно на чайки и на ласточек, с невероятным гомоном носились над волнами... И они ходили окунались в тихий внутренний заливчик. А прибрежная песчаная полоса так манила!..

Но за завтраком Тони сказал:

– Сегодня солнце, штиль, просто красота – я уже разведаль. Так что идём плавать в Атлантическом океане! А по пути я тебе покажу кое-что.

– Неужели здесь есть что-то, чего я ещё не видела?

– Думаю, такого ещё много. Одно чудо природы увидишь сейчас.

– И ты знаешь, как оно называется?

– А ты сомневаешься?

– Нет, сэр, – девушка вскинула руку к воображаемому козырьку. – Нисколько!

Тони повёл её в сторону от уже хоженных ими троп. Вскоре открылась поляна с небольшой рощицей, и Тори издала увидела: ветви этих деревьев увешены необычными плодами – похожими на груши или авокадо, но очень длинными и волосатыми, как кокосы. Вокруг вилось много птиц.

– Что это? – воскликнула она. – Ты это хотел мне показать? Они съедобны?

– Пойдём ближе, – Тони потянул её за руку, – сейчас увидишь.

Это были не плоды. Деревья рощи гнулись под множеством гнёзд, свисающих вниз как мешочки или чулки. Довольно крупные птицы – величиной с ворон, – ловко ныряли в верхнюю узкую часть, гнёзда раскачивались, оттуда доносился писк и гомон... Гнёзда висели высоко, не дотянуться, но снизу их можно было прекрасно разглядеть. Тем более что птиц присутствие людей совсем не пугало.

– Великолепные сооружения! – восхитилась Виктория. – Как всё продумано! Сверху летающим хищникам туда не попасть. Вход длинный, узкий... нет, не проскользнуть. И сни-

зу не достать. Обезьянам или дикой кошке по таким тоненьким веткам не добраться... Молодцы, птички! Как они называются?

– Оропендолы, – ответил Тони. – Гнёзда выют самки.

– Я всегда была убеждена, что женщины – прекрасные архитекторы! Так, что здесь за строительный материал? Похоже, разорванные на полосы листья, лианы... Как они ловко и туго сплетены! Даже на глаз видно, что гнёзда мягкие, удобные и водонепроницаемые.

– Это ты совершенно точно заметила.

– Ну так! Взгляд профессионала! Спасибо, что показал мне это чудо архитектуры.

– Подожди... Так ты что, архитектор?

– Ты удивлён? Да, не манекенщица, не топ-модель, не официантка, не продавщица, не секретарь, и даже не путана... Представь, я окончила архитектурно-дизайнерский факультет. В моём городе – а он называется Харьков, настоящий мегаполис, – много институтов, университетов. Тот, в котором я училась, всегда славился отличными специалистами в области строительства.

– Тори, ты, похоже, обиделась? На что? Я просто удивлён: архитектор – это такая серьёзная и сложная профессия.

– А я, если ты ещё не понял, тоже девушка серьёзная. И далеко не простая...

Так, весело пикируясь, они прошли рощу, по зелёному травяному ковру прошли вдоль ручья, и вскоре оказались на

большой площадке, усеянной крупными валунами. А дальше открывалась песчаная береговая полоса. Океан. Он и в самом деле был тих, спокоен, волны катились ровно – глаз невозможно отвести! С пригорка, на котором они остановились, водная гладь просматривалась, казалось, до горизонта, переливалась золотыми, серебряными бликами от солнечных лучей. Не сговариваясь, парень и девушка быстро разулись и босиком бросились вперёд. Через минуту они уже мчались по белому, прогретому солнцем песку, держась за руки – сами не заметили, как их пальцы переплелись. Белый песок, на вид такой раскалённый, не обжигал, а приятно грел ноги. Слева мягко накатывали, немного не доставая их, волны, справа, в отдалении, тянулась стена деревьев... Виктория вдруг споткнулась, замедлила бег. Тони вырвался вперёд, оглянулся:

– Догоняй!

Но она совсем остановилась, удивлённо оглядываясь. Она вспомнила: это всё она уже видела! Во сне, в самолёте. Она заснула, убаюканная монотонным полётом, и ей приснилось вот это самое место: океан, песчаный пляж, тропическая растительность вдалеке... В том сне она думала, что бежит по песку, держа за руку брата... А это, оказывается, был Тони! Да, она не раз думала о нём, как о близком человеке, подобном брату. Но это не Серёжа...

Вика села на песок и даже закрыла глаза. Значит, сон в самолёте был вещим? Пророческим?

– Ты что, уснула?

Это вернулся Тони, сел рядом.

Виктория открыла глаза, увидела его весёлое лицо. «Да, – прямо так и потянуло сказать. – Я спала и ты мне снился!» Но вдруг пришло в голову, что есть какая-то тайна в этом сне, которую она должна разгадать сама. Поэтому она упала на спину, раскинув руки:

– Всё, дальше не пойду! Хочу в океан!

Сначала они плескались на довольно широком мелководье, прыгали, брызгали друг на друга. А потом девушка сказала шутя:

– Салют! Я поплыла домой!

И устремилась вперёд.

В такой воде – тёплой и чистой, и совершенно необъятной, – плавать не просто удовольствие. Приходит чувство, что ты есть частица этой стихии, что твои руки и ноги растворились, стали продолжением этих лёгких струй, что нет необходимости вновь возвращаться на твёрдую грубую почву. Океан заманивал, тянул, как магнитом. Такое не испытаешь на переполненных людьми шумных пляжах.

Вика несколько раз говорила себе: «Пора возвращаться», – но никак не могла заставить себя повернуть к берегу. Ещё немного, ещё несколько взмахов рук, ещё вот на ту волну... Эти волны так ласково качали, так переливались золотом ещё не дошедшего до зенита солнца, что просто невозможно было глаз отвести! Только большим усилием воли

Вика заставила себя поднырнуть под гребень волны, развернуться под водою и вынырнуть уже лицом к берегу. А он оказался не так и далеко.

Тони вошёл по колено в воду, протянул ей, подплывающей, руку.

– Хорошо, что я знаю, какой ты отличный пловец, а то бы волновался.

– Правда волновался?

– Ещё бы! Даже не плавал. Но теперь моя очередь. А, может, вместе?

– Нет, я всё-таки немного устала.

Вика с наслаждением раскинулась на теплом песке. Теперь уже она смотрела на Энтони. Он всё ещё стоял в воде. Красиво: только стройная фигура молодого человека, волны и песок. Но вот побежал – сначала по мелководью, потом глубже заходя в океан. Оглянулся, махнул ей обеими руками...

Опять от волнения у неё сбилось дыхание: так знакома была эта картина! Где она видела что-то очень похожее? На мгновение мелькнула мысль: «Во сне?...» Но тут же Виктория вспомнила, и даже потрясла головой, отгоняя наваждение. Вот так же, очень похоже бежал по морским волнам гвардии поручик Говоруха-Отрок из фильма, сделанного по повести Бориса Лавренева. А с берега смотрела на него девушка – так же, как сейчас смотрит Вика. Поразительно: ведь они с Тони тоже вдвоём, как Вадим и Мария, на затерянном острове, и

не знают, когда придёт спасение...

В этот момент, прежде чем окунуться в волны, Энтони вновь оглянулся. Почти машинально Виктория симитировала следующий эпизод: подняла руку, изображая ружьё, прицелилась, спустила курок...

Плавал молодой человек недолго, вскоре вернулся на берег, улыбаясь, сел рядом на песок. Спросил, укоризненно качая головой:

- Ты в меня стреляла? Убила?
- Наповал! Как Марютка.
- А я, значит, синеглазый поручик?
- Bay!

Вообще-то Виктория терпеть не могла дурацкий американский вопль, похожий на лай. Но сейчас, от крайнего изумления, у неё вырвался именно этот возглас.

- Ты знаешь? Ну уж это!.. Откуда?
- Это давний советский фильм, называется «Сорок первый». Он есть в домашней фильмотеке моей бабушки.
- Бабушки?
- Да. Можешь удивляться, но это её любимый фильм. Поэтому и я смотрел его дважды: первый раз ещё мальчишкой, а второй – пересматривал не так давно. Мне он нравится: есть в нём мощь, интересная философия, сильные чувства.

- Но почему твоя бабушка?.. Или она русская?
- Что ты, нет. Чистокровная англичанка. Но она во время войны была в России с какой-то миссией, наверное, полюби-

ла вашу страну.

Виктория хотела поправить Энтони, сказать: «Не в России, а в Советском Союзе», – но не стала. Только спросила:

– С какой миссией? Военной?

– Кажется, да. Впрочем, я плохо об этом знаю. Мы с самого начала жили с ней отдельно, общались не часто.

Ему почему-то стало неловко за это, и он добавил, оправдываясь:

– Я много чем занимался, учился...

– В военном училище?

– Не только. У меня и светское образование, самое разнообразное.

– Наверное, закончил Оксфорд, судя по твоим обширным знаниям.

Тони поморщился скептически.

– Ох уж эти иностранцы! Только и слышали, что название «Оксфорд» и «Кембридж»! Нет, милая девушка, я выпускник Итона. Это такой колледж в Виндзоре, где резиденция королевы. Кстати, внуки нашей королевы тоже там учились.

– Значит, очень престижный? – изысканно-томно спросила Виктория.

– Именно, – резковато ответил Тони. – А потом я окончил Ноттингемский университет.

– Тоже очень престижный?

– Не понимаю твоей иронии. Верно, это оплоты английского классического образования.

– Да ты, оказывается, сноб!

Теперь уже Энтони иронично приподнял бровь:

– Я не могу быть снобом.

– Это почему же?

– А ты знаешь, что означает это слово? Думаешь, наверное: этакий высокомерный тип из высшего общества, педантично соблюдающий все правила и презирующий других?

– Ну... – Виктория именно так и думала, но замешкалась с ответом, чувствуя подвох.

– Так вот: это слово происходит от латинского «Sine Nobile», «Без титула». Такую запись – «S. Nob.» – ставили в твоих любимых Оксфорде и Кембридже перед фамилиями студентов-простолюдинов. Потому я не могу быть снобом – я аристократ.

Краска залила лицо девушки. Она демонстративно отодвинулась от него, бросила вызывающе:

– Махни рукой!

– Как? – удивился Энтони. – И зачем?

– Вот так! – Она сделал выразительный жест кистью руки. – И скажи: «Хамка!»

Он понял: вспомнил эпизод из фильма. Именно так взмахнул рукой и сказал Марютке поручик. Тони прикусил губу, ему стало неловко. Он обидел девушку, но ведь не хотел этого. Совершенно непонятно, отчего он завёлся, говорил высокомерно... Надо было исправлять положение, сделать, сказать что-то очень простое – оправдать себя.

– Тори, ну что ты, в самом деле, себе вообразила! Посмотри на меня: это я, твой давний приятель, обыкновенный парень! Сейчас сбегая в ближайший киоск, куплю тебе, в знак примирения, что-нибудь вкусненькое. Вот, куплю сникерс! Это шоколадка такая, с орехами и сладкой тянучкой...

– Я знаю, что такое сникерс, не объясняй! – Виктория смотрела насмешливо и даже презрительно. – У нас этого барахла сейчас навалом! Вы, так называемые цивилизованные европейцы, думаете – если подобной ерунды у людей нет, то они дикари.

Девушка вскинула ладонь, останавливая хотевшего возразить Тони. Глаза у неё сверкали, резче обозначились скулы, волосы тёмными локонами разметались по щекам и шее. «Чудо!...» – успел подумать он. А Виктория продолжала с напором:

– Да, мы жили прекрасно, что бы вы там не думали о нашей стране! У меня хорошие, только хорошие воспоминания о детстве. У нас, знаешь, тоже хватает скептиков: ах, деток заставляли учить ура-патриотические стихи о дедушке Ленине!.. А я и сейчас люблю эти детские стихи и песни о Родине, и о Ленине тоже! В них настоящие чувства были, и доброта...

Она вдруг задохнулась от подступивших слёз и, сама не понимая зачем, стала читать:

– То берёзка, то рябина,

Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой!

Детство наше золотой
Всё прекрасней с каждым днём,
Под счастливою звездою
Мы живём в краю родном.

Отвернулась от него, закусив губу. После паузы, Тони рискнул проговорить – мягко, осторожно:

– Очень мелодично... О чём?

– Я тебе уже сказала: о счастливом детстве. Думаешь, оно только у тебя было – в бойскаутах, в твоём Итоне?

Он вскинул руки жестом «сдаюсь!», хотел что-то сказать в этом духе, примирительное. Но Виктория уловила в его движении иронию и вновь завелась!

– Да, да, я тоже не понимаю, почему у нас были очереди совершенно дикие за майонезом, туалетной бумагой, бананами! Почему не было скотча? Я ведь знаю, что ваши солдаты уже в войну приклеивали им запасные обоймы на свои автоматы! Не понимаю, почему нельзя было тогда, в советское время, всё это выпускать, продавать... Вот эти мелочи и сгубили нашу страну. Люди их захотели, им казалось: будет в магазинах тридцать сортов колбасы, навалом апельсинов, жвачек, пепси и сникерсов – наступит рай земной! Всё это мы и получили. Но очень скоро поняли: потеряли гораздо

больше. Столько, что я тебе и объяснить не могу. Да ты и не поймёшь... Посмотри на меня!

Девушка вскочила на ноги и стала перед молодым человеком. В своём единственном «купальном костюме» – топики и трусиках, бронзово-загорелая, высокая и гибкая. В один из первых дней на острове она уже стояла так перед ним, давая себя разглядеть. Тогда она это делала весело, кокетливо. Сейчас она тоже покружилась перед ним, но сдержанно-демонстративно.

– Видишь? Я ведь такая же, как ваши самые красивые девушки, верно? Но это только внешне. Я другая! Ты это чувствуешь, да?

– Да, – ответил Тони тихо и серьёзно.

– Вот видишь... – Вика как-то сразу остыла, добавила уже спокойно и грустно. – Мы не смогли бы быть с тобой вместе. Ты – другой...

Тони молчал, и она легла, растянувшись на песке, положив затылок на согнутые руки. Смотрела в безоблачное небо. Правда, оно уже не было таким безоблачным, откуда-то набежали тучки. Ещё легкие, высокие, но солнце, пронизывая их, высвечивало наливающиеся лиловым цветом кромки. «Неужели будет дождь? Или даже гроза? – подумала Виктория. – Первый раз за всё время...»

Глава 10

Несмотря на плохое настроение, заснула Виктория как всегда быстро и крепко. Проснулась, как всегда, поздно. Вышла на веранду, села, опустив ноги с постамента и болтая ими в воздухе. Тони, ясное дело, не было. «Офицер!» – подумала Вика, стараясь придать этой мысли обиженно-саркастический оттенок, но получилось слабо. Вчера, весь остаток дня, они общались только по необходимости, сдержанно и вежливо. Но вот сейчас обида её улетучилась без следа. Виктории даже казалось странным: за что она так напустилась на своего верного друга? Ведь было всё так хорошо! Они бежали по песку, у кромки воды, держась за руки, как брат и сестра, как в её сне. Потом он напомнил ей поручика из фильма – высокий, гибкий, красивый, по колено в воде... Неужели она, как Марютка, может из-за идеологических разногласий оттолкнуть его? Не убить, конечно, но отстраниться, стать чужой?.. А ведь она, каждый раз, когда видела этот фильм – раза три, наверное, – испытывала жгучее неприятие: зачем, зачем Марютка его убивает! И тоскливую боль оттого, что не исправить, не изменить этот конец. Она даже сердилась на автора, Бориса Лавренёва, – мог ведь по-другому написать! Так неужели сейчас, оказавшись в подобной ситуации, она сама подтверждает логику событий: по-другому быть не могло! Различия идеологические, сословные, национальные,

расовые – любые! – выше любви?..

Её лицо обдувал ветерок, и девушка так, краем сознания, отметила, что дуновение не жаркое, а тёплое и свежее одновременно. Да, погода явно менялась. Будет ли дождь? А, может, гроза или ураган?... Но мысли тут же вновь вернулись к её спутнику. Тони, такой надёжный, предупредительный, внимательный, ласковый, деликатный, весёлый, добрый... Господи, можно ещё много сказать о нём хорошего! У Виктории даже слёзы на глаза навернулись от нежности. Они уже столько дней на острове одни, а Тони никогда не пытался этим воспользоваться, даже не намекал на возможность близких отношений. Если обнимал её за плечи, то чтобы согреть или успокоить. Если брал за руки, то чтобы помочь. А ведь она ему нравится, это совсем не трудно заметить! И он мужчина традиционной ориентации, в этом она тоже не ошибается. А вот же – не пользуется положением, боится её оскорбить, обидеть.

А она? Она ведь уже давно не девочка. Но это её физическое состояние никогда не довлело над Викторией. Близость – это такое объёмное... – нет, необъятное! – понятие. Только дураки понимают его тупо и однозначно. Ей всегда были нужны, в первую очередь, соединение сердечных ритмов, душевных порывов, счастье от совпадения мыслей, пристрастий. Только тогда соединение тел становилось настоящим слиянием, настоящей близостью... Впрочем, она всегда ошибалась. Только поначалу ей казалось – вот она, настоя-

щая любовь, настоящая близость! А потом... Даже вспоминать противно. Однако воспоминания пришли сами собой, и она не отстранила их от себя...

Подружка детства, Линка-Виталинка, уже с пятнадцати лет хороводила с парнями. Весёлая, пухленькая, по-детски наивная и по-женски кокетливая, она как магнитом тянула к себе и мальчишек-ровесников, и ребят постарше. Вечерами во дворе, на скамейке, где сидели она и Вика, клубилась стайка кавалеров. И все вокруг Лины, хотя Вика была и на год старше, и по-настоящему красивее. Но, как сказал один парень:

– Ты недотрога и зануда. А Линочка классная!

Что верно, то верно: Лина всегда заразительно смеялась всем дурацким шуткам и пацанячьим хвастливым рассказам, взвизгивала и весело шлёпала по рукам, лапающим её блузку и юбку, не смущалась матерков и подставляла губы всем по очереди для поцелуйчиков. А Вика, как только ребята начинали распускать руки и языки, вставала и уходила. Утром, забегая чтобы вместе идти в школу, Лина удивлённо тянула:

– Вику-уля, ну ты чего? Так весело было, а ты ушла!

Она и в самом деле не понимала подружку, а обижаться не умела вообще. Тут же начинала болтать о том, что видела в магазине моднейшие туфельки, а в журнале – «зашибонскую» стрижку, которую обязательно сделает себе... Если бы Вика и Лина познакомились позже, студентками, они ни за

что не подружались бы – настолько разными были. Но подруга детства – совсем другой случай. Особенно если с младенчества играли в одной песочнице, ходили в один детский садик, одну школу... И Виктория принимала Лину такой, какой та была: легкомысленной, беззаботной, читающей только модные журналы, беззлобной, порхающей по жизни, как красивая бабочка. Может, где-то там, в генном подсознании, девушка знала, что жить ей на свете так мало, вот и наслаждалась...

А у Виктории первый парень появился в восемнадцать лет, на первом курсе института. Он был уже второкурсник, правда не с её – архитектурного – факультета, а «строитель». Этих ребят будущие архитекторы называли несколько высокомерно – «стройбат», подразумевая более примитивный, не творческий уровень интеллекта. Зато он, Геннадий, был красавец, на которого засматривались многие: высокий, спортивный, голубоглазый блондин с обаятельной улыбкой. Некоторое время он просто гипнотизировал Викторию в институтских коридорах, провожал повсюду взглядом. Когда подошёл и предложил проводить, она отказалась. Удивлённым однокурсникам сказала: «Да ну его, качок примитивный!» Но Гена не отступал, постоянно был в её поле зрения: то в столовой займёт для неё очередь, то задержит двери лифта, чтобы она успела зайти. А однажды просто подождал девушку после окончания занятий и пошёл рядом. Она не стала возражать: к этому времени Вике уже нравилась и

его внимательность, и тактичная настойчивость. По пути они зашли в кафе, долго сидели, разговаривали. Дома Вика с горящими глазами сказала маме:

– Я буду встречаться с парнем, очень хорошим! Поначалу он мне показался не слишком умным, но я ошиблась. С ним интересно и весело!

Гена сразу стал ходить к ним домой: всегда с красивой розой в руке, вежливый, улыбочивый. Уводил её за руку, мама смотрела с балкона им вслед: красивая пара. А потом шла в комнату дочери, убирала накопившиеся в вазе и уже засохшие розы. Часто накалывала палец крупными шипами и говорила, качая головой:

– Ей розы, а мне шипы... Но пусть лучше так.

Очень скоро Гена предложил Виктории пожениться, она согласилась не раздумывая – что значит восемнадцать лет! Познакомилась с его родителями, имеющими процветающий строительный бизнес, понравилась им. У парня в городском посёлке жила бабушка, в частном доме. Дом этот был уже завещан Гене, и он рассказывал Виктории, как хочет переделать его под современный крутой коттедж. Сюда они приезжали, оставаясь наедине. А почему бы и нет – ведь они уже взяли бланки во Дворце бракосочетания, через три месяца будет свадьба...

Через месяц, после нескольких бурных ссор, нежных примирений и новых ссор, они перестали встречаться. Гена никак не мог понять: почему его забота и желание защитить

девушку вызывают у неё раздражение и даже злость? Первый раз это произошло в метро. На одной из остановок народ схлынул, в вагоне стало просторнее и даже освободилось место недалеко. Виктория видела, как пожилая женщина с тяжёлой сумкой протискивается к нему, но Гена оказался проворнее. Он плюхнулся на сидение и ловко посадил рядом Вику. Тесновато, но они оба поместились. Женщина остановилась в шаге разочаровано, но промолчала. Зато сидевший рядом старик упрекнул:

– Молодые люди, надо уступить.

– Вот и уступи, дед! – Весело, ни секунды не задумываясь, хохотнул Гена. – Ты ж мужчина, джентльмен, наверное. А мы прагматики. Она бы, – он красноречиво оглядел большие габариты женщины, – одна здесь поместилась. А так нас двое сидит. – Он притянул Вику за плечи к себе. И добавил, кивнув на потёртую, заношенную сумку, а потом переведя взгляд на такой же плащ стоявшей: – И чище будет.

Виктория сжалась, словно её ударили. Гена почувствовал это, но понял по-своему. Прошептал ей на ухо:

– Ты что малышка, не бойся! Я тебя в обиду не дам!

Виктория ничего не ответила, но когда поезд стал тормозить, просто выскочила из вагона. Удивлённый парень еле успел за ней – они ведь не доехали к себе ещё три остановки. Но она придумала что-то насчёт магазина...

Нет, Вика не сказала тогда Гене ничего. Это было её детское воспоминание... Ей было лет восемь, они с мамой еха-

ли куда-то в троллейбусе, сидели на двойном сидении: Вика у окна, мама с краю. Рядом стояли парень и девушка: Вика помнит – молодые красивые, она даже загляделась на них. Парень весело и громко что-то рассказывал, смеялся, девушка смеялась в ответ. У него было расстёгнуто короткое модное пальто, и при каждом движении пола этого пальто задевала маму. Молодые люди ничего не замечали. Мама какое-то время пыталась уклоняться, а потом тихонько тронула парня и попросила:

– Молодой человек, станьте чуть дальше, ваше пальто бьёт мне по лицу.

Он отреагировал так же мгновенно и весело, как теперь Гена.

– Сидишь, – сказал женщине, – так сиди. А то сейчас подниму тебя и посажу свою девушку. А моё пальто вообще чище твоего лица!

И засмеялся, довольный своим остроумием, его спутница засмеялась в ответ... Мама опешила, не нашла, что ответить – это надо было обладать такой же наглостью. А у маленькой Вики сердце сжалось от унижения и страха: эти двое показались ей такими огромными, их смех звучал, как гром...

Девушка сразу поняла – не быть им с Геннадием вместе. Но какое-то время пыталась себя уговорить: он хороший, его можно перевоспитать, он – её первый мужчина, у них уже день свадьбы назначен... Как раз тогда начались их ссоры,

при которых Гена не мог понять ни резких смен её настроения, ни её «придирок». Однако готов был уступать, слушаться... Они мирились. Но тут произошёл ещё один, последний случай.

В городском парке проходил праздник «День пива»: местная пивная компания второй год устраивала такое многолюдное молодёжное гуляние. На весь парк гремела музыка, сновали ряженые масовики, устраивая конкурсы, викторины, и, конечно, – море разлитое дешёвого пива. Гене нравилось, что Вика почти не пьёт – пригубляет слегка. Но сам он себе не отказывал, потому в какой-то момент отошёл, ненадолго оставив её. Она села на лавочку, и почти сразу рядом присел парнишка, протянул ей брикетик мороженого: – Угощайтесь, девушка!

Ясное дело, он хотел познакомиться, но что тут плохого? Он ведь не знал, что она не одна. Мальчик был приятный, улыбчивый, и предлагал ей не откупоренную бутылку пива, а мороженное – это Вике понравилось. Она взяла брикетик, понимая, что сделает человеку приятное, открыла, лизнула. И тут рядом возник Гена. С наигранной усмешкой он забрал у неё мороженное, сунул в руку другое, которое принёс с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.